

КРАТКАЯ

ФОНЕТИКА и МОРФОЛОГІЯ

ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА.

ЛЕКЦІИ

ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета

Романа Брандта.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1900.

Извлечено изъ XXIX тома Историко-филологическаго отдѣла Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета.

Чешская азбука.

Правописаніе чешскаго языка, изображаемаго латинскою азбукою, первоначально является въ безпорядочномъ видѣ. Для выраженія одного и того же звука употреблялись разныя буквы: такъ для изображенія звука *ц* ставились знаки: c, cz, cs, для звука *с*—s, ss, z, sz.

Въ XIV вѣкѣ устанавливаются нѣкоторые пріемы условнаго выраженія недостающихъ въ латинской азбукѣ буквъ. Именно, cz стало употребляться для обозначенія *ч* (что̀ перешло къ полякамъ и сохранилось у нихъ донынѣ); для изображенія *ш* устанавливается знакъ ss, для изображенія *з* и *ж*—*z*, такъ что *з* и *ж* не различались. Кромѣ того устанавливается знакъ rz, для шепеляваго r,—тоже усвоенный и удержанный поляками.

Реформаторомъ чешскаго письма явился знаменитый реформаторъ и въ другой области—Янъ Гусъ. Въ 1411 году, онъ написалъ латинское разсужденіе о чешскомъ правописаніи и началъ проводить въ жизнь правописаніе, которое и принялось. Впрочемъ послѣдователи Гуса нѣсколько испортили его письмо, и лишь въ новѣйшее время оно вошло въ общее употребленіе (тоже кое съ какими измѣненіями, но къ лучшему).

Особенность гусовой азбуки состоитъ въ пріемѣ, получившемъ впослѣдствіи названіе діакритическаго письма: для обозначенія чуждаго латинскому языку звука берется буква, изображающая ближайшій къ нему звукъ, и отмѣчается сверху точкой. Т. к. c=ц (cena, konec), то Гусъ для изображенія *ч* пишетъ *c* съ точкой: ċech; т. к. s=c, онъ для обозначенія *ш* беретъ знакъ ṡ : ṡum; установивъ для *з*—знакъ z, онъ для *ж* вводитъ ż : żena. Та же точка служила и для обозначенія мягкости согласныхъ: ḋ=d мягкому, ṫ=t мягкому, ṅ=n мягкому (buḋ, zeṫ, daṅ). Однако въ одномъ случаѣ Гусъ допустилъ отступленіе отъ этой системы: именно, l̇ у него=l твердому,

а не мягкому, который обозначается черезъ простой l: plač и klíč (ключъ). Это отступленіе надо объяснять тѣмъ, что твердый звукъ *л* рѣзче отличается отъ латинскаго l, нежели мягкій.

Чешское правописаніе установилось лишь въ новѣйшее время, трудами Добровскаго, Юнгмана, Шафарика. Нынѣшнее правописаніе имѣетъ прежде всего внѣшнее отличіе отъ гусовскаго: гусова точка замѣнена вилочками: č, ž, ň,—только мягкія d и t обыкновенно отмѣчаются не вилочками, а апострофомъ: d', t'; такъ какъ эти буквы и безъ того очень высоки. Снабжать знакомъ букву l оказалось лишнимъ, т. к. мягкость и твердость l утратились въ новочешскомъ языкѣ, и оба l слились въ одномъ среднемъ. Уже Гусъ упрекалъ Пражанъ въ смѣшеніи этихъ звуковъ. Для обозначенія *в* Гусъ сохранилъ (разумѣется напрасно) два знака: w и v, различая ихъ по произвольному правилу. Послѣ Гуса возобладало w, а для употребленія v установилось безсмысленное правило писать его въ началѣ словъ вмѣсто u. (И Гусъ, сохраняя средневѣковый обычай, въ началѣ словъ употреблялъ вмѣсто u—v, только особаго вида). Въ новое время это правило оставлено, а w замѣнено черезъ v. Звукъ j въ старину обозначался черезъ i, y, g. Послѣдняя буква употреблялась передъ узкими гласными (e, i), гдѣ она читалась за j въ средневѣковой латыни (объ этомъ говоритъ самъ Гусъ въ своемъ трактатѣ о правописаніи). Гусъ сохранилъ двоякое обозначеніе j: черезъ g передъ e, i и черезъ i въ другихъ случаяхъ. Позднѣе установился обычай всегда писать g вмѣсто j: jaro (весна) писалось garo, ráj—rág. Такое употребленіе не вело къ сбивчивости,—въ чешскомъ языкѣ звукъ g утратился. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ слышится g, оно произошло изъ k и пишется черезъ k, напр. kde, k zámku; въ иностранныхъ же словахъ, для отличія g отъ j, ставили надъ g точку. Уже въ новѣйшее время стали писать вмѣсто g—j, а вмѣсто g съ точкой—простое g: groš. J прежде употреблялся для обозначенія í: sjla, и лишь въ недавнее время долготу *i* стали обозначать удареніемъ (акутомъ), какъ и у другихъ гласныхъ, хотя уже Гусъ писалъ не только á, é, ó, ú, ý, но также í. Въ 40-хъ годахъ дифтонгъ ou, писавшійся раньше au, сталъ писаться ou: s*o*ud (=**сѫдъ**), вм. s*a*ud, что̀ лучше передаетъ произношеніе.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ правописанія, въ новѣйшее время была введена, въ замѣнъ средневѣковаго ломаннаго шрифта («швабаха»—

сохраняемаго до сихъ поръ у Нѣмцевъ), округлая «антиква» (шрифтъ «латинскій»). Впрочемъ въ книгахъ для народа и богослужебныхъ «швабахъ» еще не вывелся.

Фонетика.

Гласные звуки.

Уже выше замѣчено мимоходомъ, что въ чешской рѣчи существуютъ *долгіе гласные*, которые обозначаются удареніемъ: dráha (дорóга), drahá (дорогая), draha (дорогá); mléko (долгое *e* въ просторѣчіи обыкновенно переходитъ въ ī—mlíko); síla; долгое *o* употребляется только въ восклицаніи: ó! и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ; ú встрѣчается лишь въ началѣ словъ, наприм., úřad (читается также ouřad)—должность. Въ чешскомъ языкѣ ū обыкновенно изображается чрезъ ů, потому что этимологически оно равно старочешскому ō: dům=dóm. Знакъ y соотвѣтствуетъ въ новочешскомъ языкѣ этимологически нашему ы, но фонетически совпадаетъ съ i; встарь они дѣйствительно различались. Y также является съ акутомъ: býk. Акутъ, который ставится надъ гласными для обозначенія долготы, не можетъ быть принятъ за знакъ ударенія, потому что *удареніе* въ чешскомъ языкѣ не приходится отмѣчать: оно всегда падаетъ на опредѣленный слогъ, именно на начальный, при чемъ предлоги при существительныхъ и отрицаніе при глаголахъ считаются съ ними за одно слово: žèna, vítěziti побѣдить (знакъ ˇ ставится надъ e для обозначенія мягкости предшествующаго ему согласнаго), ùmlknouti, nèbudu (отрицаніе пишется слитно съ глаголомъ), nènapojíte, nà pole, dò poledne. Исключеніе составляютъ двусложные и трехсложные предлоги, которые сравнительно недавно имѣли самостоятельное удареніе: skrze lès, kolem Pràhy; удареніе не переходитъ и въ томъ случаѣ, когда предлогъ изъ двусложнаго дѣлается односложнымъ: skrz lès.

Ъ и **ь**, какъ вообще въ новославянскихъ языкахъ, то нѣмѣютъ, то проясняются. И тотъ, и другой глухой даетъ *e*, такъ что **ъ** и **ь** совпадаютъ. Примѣры на *e* изъ **ъ**: sen (**сънъ**), рóдникъ snu; pevný крѣпкій (* **пъвьнъ**, одного корня съ глаголомъ **пъвати**, **оупъвати**);

ret—rtu (губа); lež—lži (ложь). Иногда аналогія вводитъ *е* и въ открытый слогъ, гдѣ по первоначальной фонетикѣ должно было произойти выпаденіе. Какъ въ русскомъ языкѣ слово *мох* (мъхъ) имѣетъ *о* или бѣглое, или постоянное: *мха* и *моха*, такъ и въ чешскомъ mech образуетъ mchu и mechu. Такъ же rež имѣетъ rži и reži; bez (бузина)—bzu и bezu.

Звукъ ь, какъ уже сказано, тоже проясняется въ *е*: den, рóдникъ dne, lev—lva, otec—otce. Вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что р передъ ь становится шепелявымъ: křest=крьстъ (значитъ: крещеніе; крестъ—kříž)—křtu. Слово орьлъ должно было бы дать ořel (въ польскомъ языкѣ дѣйствительно orzeł), но косвенные падежи orla,-lu и т. д. оказали вліяніе на назывный, и стали говорить orel. Слово len даетъ въ рóдникѣ lnu, но имѣется также и lenu.

Вслѣдствіе того, что изъ двухъ глухихъ проясняется первый, а изъ трехъ средній, у нѣкоторыхъ словъ на ьць появилось перемѣщаемое *е*: žnec—žence, švec (сапожникъ)—ševce: жьнъць-жьньцà и шьвъць-шьвьцà. Встарину тоже явленіе замѣчалось въ окончаніи ъкъ, напр. domček, рóдникъ domečki; но потомъ косвенники навязали назывнику свое *е*, и стали говорить domeček.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ староцерк. ъ и ь имѣютъ особое употребленіе, именно служатъ для обозначенія слоговости *р* и *л*, или же, по другому пониманію—для обозначенія предшествующихъ этимъ звукамъ глухихъ. Такъ, въ праславянскомъ мы предполагаемъ формы търгъ, вълкъ, сьрдьце, жьлтъ, или же: тр̥гъ, ср̥дьце, вл̥къ, жл̥тъ. Чешскій языкъ сохраняетъ слоговые согласные, или же (если здѣсь были *ъ* и *ь*) вновь развилъ такіе согласные. Имѣются, такимъ образомъ, р и л слоговые: hrdý, krčma, vlk, mlčeti, srdce, zrno, mlznouti лизнуть (сродни староцерк. млъсти-мльзѫ— доить). Иногда въ чешскомъ языкѣ r и l бываютъ вторичными, и являются тамъ, гдѣ первоначально были *р* и *л* согласные съ послѣдующимъ *ъ* и *ь*, ставшіе слоговыми, попавъ въ необычное положеніе, между двумя согласными. Очень ясный примѣръ этого представляетъ слово кръвь—krev, рóдникъ krve (-i). Очевидно здѣсь мы имѣемъ правильное проясненіе глухого, стоявшаго позади плавнаго; въ косвенныхъ падежахъ ъ долженъ былъ выпасть, и должно было получиться односложное krve: по-польски дѣйствительно произносятъ въ одинъ слогъ: krew—krwi; односложность существовала и въ чеш-

скомъ языкѣ, чтó доказывается старочешскими стихами. (Естественно думать, что krvè дало сперва kr̥vè, а потомъ уже стало kr̥ve), Совершенно аналогичное слово бръвь, польское brew-brwi, звучитъ по-чешски brv. Здѣсь назывно-винильный падежъ примѣнился къ остальнымъ *). Такого же рода l̥ имѣется въ глаголѣ hltati глътати, и въ глаголѣ plvati плькати. Слѣдуетъ еще замѣтить, что чешскій языкъ не вездѣ, гдѣ мы ожидаемъ, представляетъ l̥—именно вмѣсто староцерк. лъ, русск. ол, мы иногда находимъ lu; это же lu является вмѣсто староцерк. ль: pluk—плъкъ, dluh длъгъ (debitum), člun ульнъ, žlutý жльтъ. «Долгій» будетъ dlouhý; словацкое нарѣчіе представляетъ здѣсь l долгое: dĺhy (за то y—краткое, такъ какъ въ словацкомъ нарѣчіи двухъ долгихъ слоговъ рядомъ не бываетъ). Двойственность l̥ и lu, какъ мнѣ думается, основана на доисторическомъ удареніи: при спускномъ (нисходящемъ) удареніи мы имѣемъ l̥, при подъемномъ (восходящемъ)—lu. Въ такомъ случаѣ выговоръ pluk основанъ на косвенныхъ падежахъ: p̏lk, pĺku, а выговоръ dluh развился во мнóжномъ числѣ: вѣдь по-русски долги̂, долгóв.

Вмѣсто r̥ чешскій языкъ имѣетъ иногда слогъ er—это бываетъ послѣ шипящихъ č и ž: старочешскія и словацкія črný, črpati žrnov, žrd' по-новочешски звучатъ černý, čerpati, žernov, žerd'.

Такъ какъ слоговые r и l не отличаются на письмѣ отъ неслогóвыхъ, то надо дать правило, какъ отличать ихъ. Вотъ это правило: буквы r и l тогда составляютъ слогъ, когда имѣютъ передъ собой согласную букву, не имѣя за собою гласной. Указанное правило можно разбить на два: r и l составляютъ слогъ, когда стоятъ между двумя согласными: trh, vlk, или въ концѣ слова послѣ согласной: bratr, nesl (несъ). Такимъ образомъ, r и l въ началѣ слова, хотя бы передъ согласною, слога не составляютъ: rváti, lháti.

Звукъ ѣ получаетъ двоякую замѣну, смотря по тому, является ли краткость, или долгота. При краткости мы находимъ *e*, первоначально съ предшествующей мягкостью. Мягкіе звуки слышатся напр. въ прикладкѣ něžný и въ предметницахъ tělo и děvče (малорус. дівчá дѣвушка). Въ словахъ же pěna, běh, měd' и věděti—послѣ согласныхъ губныхъ — слышится почти j: pjena, bjeh, mjed', vjed'et; въ словѣ

*) Слогъ рь никогда не превращается въ r̥ : крьстъ звучитъ, какъ мы уже видѣли, křest-kr̆tu, хрьбьтъ—hr̆bet.

les—l средній. Когда ѣ-ю соотвѣтствуетъ звукъ долгій, то этотъ звукъ есть í, напр. míra, bílý, sníh. Звуки í и ě не проходятъ по всѣмъ словамъ одного корня, а нерѣдко чередуются: míra—měriti, sníh—sněžný; бываетъ колебанье даже по падежамъ: míra образуетъ творный пад. měrou, sníh—родный sněhu. Вмѣсто í языкъ старинный и словацкое нарѣчіе (вообще во многихъ чертахъ архаичное) представляютъ дифтонгъ ie: miera, bieły, snieh, срв. сербскія слова съ замѣною ѣ въ юго-западномъ говорѣ посредствомъ ије: бӣјели, снӣјег. Изъ сербскаго языка извѣстно также чередованіе долготы и краткости, подобное чешскому: напр. сравнительная степень къ бӣјели—бјѐљӣ.

Юсу широкому (ѫ) соотвѣтствуетъ по-старочешски тотъ же звукъ, что по-сербски и по-русски; такимъ образомъ дѫбъ звучитъ dub, рѫка—ruka; пѫть—púť, сѫдъ—súd. Долгое ú, сохраняющееся до сихъ поръ въ словацкомъ нарѣчіи, въ обыкновенномъ чешскомъ языкѣ перешло въ дифтонгъ ou: pouť, soud. Такъ же, какъ при замѣнѣ ѣ-я, и здѣсь является чередованіе u съ дифтонгомъ, равное старинному чередованію краткости съ долготой. При словѣ soud стоитъ sudí (сѫдии судья); при trouba—производное trubný; глаголъ совершеннаго вида poručiti образуетъ видъ несовершенный poroučeti.

Юсъ узкій (ѧ) имѣлъ первоначально въ чешскомъ языкѣ ту же замѣну, что и въ русскомъ, т. е. *a* съ предшествующею мягкостью, только это *a* могло быть и краткимъ, и долгимъ. Однако звукъ *a* на мѣстѣ ѧ во многихъ случаяхъ подвергся вторичному измѣненію или въ *e*, или въ *i*. На какомъ основаніи является такая замѣна, объ этомъ рѣчь будетъ ниже. *Ja* (a), какъ замѣна ѧ, слышится въ словѣ jazyk, въ причастіи терпномъ sťat (казненъ, староцерк. сътѧтъ отъ глагола сътѧти-сътьнѫ, срубить) и во множинѣ koťata (котята); въ словѣ pátek (пѧтъкъ—пятокъ, пятница) мягкость утратилась.

Вмѣсто умягчительнаго *a* мы находимъ *e* напримѣръ въ слѣдующихъ случаяхъ: ječmen (ѩчьмы), pět (пѧть), deset (десѧть). Въ другихъ словахъ на мѣстѣ ѧ имѣемъ í; изрѣдка, чуть ли не въ одномъ только словѣ—i (вѣроятно это не звуковое явленіе): přísti прѧсти, počíti—почѧти; инфинитивъ къ sťat есть stíti. Опять-таки замѣчается колебаніе въ количествѣ гласнаго, а вслѣдствіе того и въ огласовкѣ. Мы уже видѣли такой примѣръ на stíti и sťat; приба-

вимъ настоящее къ инфинитиву přísti — předu, и меньшильницу koťátko котеночекъ, при koťata (одинное число — kotě **котѧ**, котенокъ).

Звукъ **оу**, на счетъ котораго въ большинствѣ славянскихъ языковъ не приходится распространяться, въ чешскомъ вызываетъ на замѣчаніе. Мы видѣли, что **ѫ**, будучи замѣненъ черезъ u, при долгомъ произношеніи, въ новочешскомъ обратился въ дифтонгъ ou. То же происходитъ и съ исконнымъ ú. Напр. инфинитивъ **плоути** является въ видѣ plouti (стар. plúti); **боурѧ** звучитъ bouře (стар. búře). Отмѣтимъ чередованіе ou и u: sukno, но soukenný, suchý—souše, kupec—koupiti.

Звукъ **ы**, который несомнѣнно существовалъ въ чешскомъ языкѣ, и для котораго Гусъ установилъ знакъ y, слился у чеховъ со звукомъ i. Однако между этими звуками сохраняется разница послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ. А именно послѣ мгновенныхъ зубныхъ, d, t, n, древніе **ы** звучатъ нѣсколько шире, чѣмъ *i*, и вмѣстѣ съ тѣмъ согласный довольно твердъ; *i* же звучитъ узко, и согласные — мягки; такъ староцерк. **ти**=ti (т'и); **ты**=ty (=ти^ы^); had (**гадъ**—змѣя) образуетъ множный назывникъ hadi, винильникъ—hady; pán—páni и pány. Слѣды древней двойственности сохраняются также при звукѣ r, хотя тутъ гласный звукъ одинъ и тотъ же, но имѣется передъ древнимъ i превращеніе r въ звукъ шепелявый: houser гусякъ, множный назывникъ houseři, винильникъ—housery. Древняя двойственность проявляется и тамъ, гдѣ задненёбные согласники подвергаются смягченію: voják солдатъ — vojáci, вин. vojáky. Но это не доказываетъ существованія у чеховъ мягкихъ слоговъ ќi, ѓи, х́и, т. к. смягченные согласные были унаслѣдованы чехами отъ славянскаго праязыка, представлявшаго окончанія вродѣ **аци** и **акы**, между тѣмъ какъ houseři, гдѣ r смягчился на чешской почвѣ, указываетъ, что была когда-то форма *húseři съ мягкимъ r; впрочемъ о существованіи нѣкогда твердыхъ слоговъ **кы**, **гы**, **хы** свидѣтельствуетъ самая орѳографія съ y—ky, hy, chy: kyselý, hynouti, chytrý. Будучи долгимъ, звукъ **ы** въ чешскомъ языкѣ перешелъ, примѣрно въ XIV столѣтіи, въ дифтонгъ ej, который прежде писался ay. Въ чешскомъ просторѣчіи и господствуетъ произношеніе **ы** за ej: býk = bejk, býti=bejti, dobrý=dobrej.

Относительно звука *i*, кромѣ совпаденія его съ **ы**, слѣдуетъ отмѣтить, что онъ въ началѣ словъ можетъ становиться неслогóвымъ и исчезать, хотя на письмѣ онъ и изображается: j-d-u = du, съ отрицаніемъ однако будетъ nejdu; j-h-o=ho (**иго**).

Вмѣсто звука *o* чешскій языкъ иногда представляетъ u, а именно вмѣсто ō—ū, которое пишется ů. Это ō перешло прежде всего въ дифтонгъ uo, который сохраняется въ словацкомъ нарѣчіи, въ какихъ-нибудь stuol, kuoň, nuož=чешск. stůl, kůň, nůž, первоначально stół, kóň, nóž. Звукъ ō, разложившійся въ дифтонгъ uo, а потомъ стянувшійся въ ū, развился въ слогахъ замкнутыхъ, преимущественно передъ согласными звонкими. Такимъ образомъ, когда слогъ становится открытымъ, вмѣсто ů является o: stůl, рóдникъ—stolu, kůň—koně, nůž — nože; напротивъ того, отъ lože меньшительное будетъ lůžko. Иногда, вслѣдствіе вліянія однѣхъ формъ на другія, звукъ ů можетъ попасть въ открытый слогъ, и *o* въ замкнутый; такъ strom (arbor) представляетъ *o* вмѣсто ů, а меньшительное strůmek представляетъ ů въ открытомъ слогѣ; но очевидно *o* вм. ů и ů вм. *o* идутъ изъ косвенныхъ падежей, гдѣ stromu и strůmku вполнѣ законны. Назывный падежъ stromek также имѣется, но онъ въ свою очередь породилъ косвенники stromku и т. д. Подобное же измѣненіе звука *o* встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ. У сербовъ этотъ звукъ бываетъ въ замкнутомъ слогѣ долгимъ, а въ открытомъ краткимъ: Бōг—Бȍга (по-чешски Bůh, Boha); соотвѣтственно этому въ малорусскомъ нарѣчіи *o* обращается въ i: kůň=кінь, рóдникъ коня́; въ областной малорусской рѣчи имѣются и другія замѣны *o*, именно uo, ue, ui, u, ü, изъ которыхъ uo и u повторяются и въ чешскомъ языкѣ. U изъ долгаго ō, что̀ пишется ó, имѣется и по-польски: Bóg—Boga.

Что касается огласовки *плавно-чистыхъ* созвучій, тѣхъ созвучій, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, то здѣсь чешскій языкъ сходится со староцерковнымъ: городъ, **градъ**—hrad (зáмокъ); молотъ, **млатъ**—mlat, **мрѣжа**, мерёжа—mříže, молоко, **млѣко**—mléko. Подобно русскому языку и чешскій иногда представляетъ вмѣсто узкой огласовки—широкую: жолобъ—žlab, староцерк. **жлѣбъ**. Отмѣтимъ еще соотвѣтствіе, замѣчаемое между чешскимъ количествомъ гласныхъ въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ и русскою акцентовкой. По закону, подмѣченному Пухмайеромъ (Puchmayer) и Катковымъ, когда

русское полногласное слово имѣетъ удареніе на второй части полногласія,—по-чешски является долгота: воро́на—vrána, коро́ва—kráva, боло́то—bláto (грязь, лужа), соло́ма—sláma, берёза—bříza, мерёжа—mříza, моло́ть—mlíti; когда же удареніе на первой части, тогда является краткость: го́род—hrad, во́рот—vrat, мо́лот—mlat, зо́лото—zlato, бе́рег—břeh, де́рево—dřevo. Когда удареніе находится не на полногласіи, а на слѣдующемъ слогѣ, то замѣчается колебаніе: борода́—brada (подбородокъ), сторона́—strana, голова́—hlava, а съ другой стороны: борона́—brány, борозда́—brázda, долото́—dláto, волокно́—vlákno. Чешское количество въ этихъ случаяхъ отчасти можетъ быть объяснено изъ другихъ падежей, которые имѣютъ иную акцентовку; такъ выговоръ hlava, brada легко объясняется изъ винильниковъ бо́роду, го́лову; vlákno изъ множины воло́кна. Дѣйствительное исключеніе представляютъ лишь два слова: straka и dlaň, при русскихъ соро́ка и ладо́нь (обл. доло́нь).

Остановимся теперь на явленіи чешскаго вокализма, которое особенно для него характерно: это—*су́женіе* (по другой терминологіи—перегласовка), т. е. превращеніе первоначально-широкихъ гласныхъ въ узкіе. Су́женію подвергаются *а* и *u*, при чемъ *а* обращается въ *е*, понятно ă въ ĕ, ā въ ē; долгое *е* впослѣдствіи подверглось вторичному измѣненію. Для суженія звука *а* можно выставить такой законъ: *а* подвергается суженію послѣ мягкихъ согласныхъ (въ томъ числѣ j и первоначально-мягкіе шипящіе), однако за звукомъ *а* не должно быть твердаго согласнаго. Такимъ образомъ, говорятъ j*e*sen ясень, naděj*e* (надежда, малорус. надія), bouře буря, duše душа; староцерк. ꙗгнѧ (обыкновенно агнѧ) даетъ jehně (на этомъ примѣрѣ видно, что безразлично, какого происхожденія *а*: древнее ли или изъ ѧ); mlčeti молчать (въ этомъ словѣ *а* произошло само изъ ē; чехи однако унаслѣдовали фонему мл̥ч*а*ти). Примѣры на сохраненіе *а*, передъ твердостью: jazyk, jaro весна, čas время, kot'ata.

Долгое ā, сузившись сперва въ ē, потомъ превратилось въ ī: чаша дало č'éše, а позднѣе современное číše; при словѣ nůž имѣется производное nožíř, вышедшее изъ nož'éř = *ножарь; пражда является въ видѣ př'éze, příze. Сохраненіе ā передъ твердостью замѣчается напр. въ словахъ kot'átko, jáma, čáry.

Въ числѣ нашихъ примѣровъ на суженіе *а* нѣкоторые представляютъ *а* вторичное, изъ ѧ, и мы видимъ теперь, почему юсу узкому

не всегда соотвѣтствуетъ *a* съ предшествующею мягкостью, а весьма часто *e* или *i*.

При суженіи мы опять-таки замѣчаемъ колебаніе въ огласовкѣ: *a* то суживается, то сохраняется. Можно повторить нѣкоторые изъ примѣровъ, уже раньше встрѣчавшихся, но не освѣщенныхъ съ этой точки зрѣнія. Мы видѣли при одинномъ числѣ kotě множное— kot'ata; это объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ **ѧ**, стоя на концѣ, не имѣлъ за собою твердаго согласнаго, а въ kot'ata слѣдующее t помѣшало суженію; при pět порядковое есть pátý (въ pět—t мягкое или среднее, но твердымъ оно никогда не было); при hovězí говяжій является hovado говядо, т. е. рогатая скотина. Нерѣдко однако первоначальный законъ нарушается примѣненіемъ однѣхъ формъ къ другимъ, такъ что можно встрѣтить узкій гласникъ вм. ожидаемаго широкаго, и широкій—вм. узкаго. Такъ глаголъ **трѧсти-трѧсѫ-трѧсеши** въ нѣкоторыхъ формахъ подлежалъ суженію, а въ другихъ — нѣтъ: **трѧсти, трѧсеши** должны были сузиться, а **трѧсѫ** сохраниться; прошедшее причастіе элевое **трѧслъ** также не должно было суживаться. Въ старочешскомъ дѣйствительно и было tř'ésti, třěseš, но třasu и třásł; однако въ новочешскомъ мы имѣемъ вм. třasu — třesu, а напротивъ инфинитивъ tř'ésti, который долженъ былъ звучать třísti, превратился въ třásti, черезъ примѣненіе къ элевому причастію и къ супину **трѧстъ**, třast. Подобнымъ же образомъ **мѧсти-мѧтѫ** должно бы звучать, и первоначально звучало mjésti, mětеš, но mátł и matu; однако новочешскій языкъ произвелъ въ этомъ случаѣ полное подравненіе и провелъ вездѣ *a*: másti, mateš.

Звукъ *a* подвергается суженію и *подъ вліяніемъ слѣдующаго j* (i̯): aj переходитъ въ ej, напр. велительное къ глаголу dáti звучитъ dej; ***кравчии** (портной) перешло въ krejčí. Такимъ образомъ кромѣ обыкновеннаго, поступательнаго суженія звука *a* замѣчается также суженіе обратное. Однако долгое *a* суженію передъ j вообще не подлежитъ, да и ǎ нерѣдко сохраняется: ráj, háj (малорус. гай— роща); kraj, tajný. По Гебауеру обратное суженіе произошло только въ замкнутыхъ слогахъ, откуда также нерѣдко устранялось путемъ подражанія: kraj вм. krej, подъ вліяніемъ косвенниковъ kra-je и т. д., tajný вм. tejný, подъ вліяніемъ tajemný и tajiti.

Другой звукъ, подвергающійся суженію, u, даетъ *i*: jinose— юноша, jih—югъ, lid—людъ, klíč—ключъ. Чтобы имѣть примѣръ,

гдѣ бы u было вторичное, изъ ѫ, возьмемъ 1-е лицо глагола píti—pijі.

Суженіе *a* и *u* произошло въ разное время: первое состоялось ранѣе и восходитъ къ старѣйшимъ временамъ чешскаго языка—къ XIV столѣтію оно уже завершилось, а суженіе звука u въ это время только начиналось. Поэтому и условія ихъ появленія различны: суженіе u не обусловливается слѣдующимъ звукомъ—jih и lid представляютъ суженіе передъ древнею твердостью. Объясняется это тѣмъ, что въ древнѣйшій періодъ чешскій языкъ имѣлъ твердые согласные, а къ XIV вѣку эти согласные обратились въ средніе и потому не препятствовали суженію. Суженіе находитъ себѣ аналогію въ другихъ языкахъ. Въ русскомъ языкѣ, напр., извѣстно сѣверное суженіе *a* въ *e* посреди мягкихъ: *меч* вмѣсто *мяч*, *пре́ник* вмѣсто *пря́ник*. Особенно развито суженіе въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ грамматики называютъ его перегласовкою (Umlaut): Hand—Hände, постаронѣмецки hant—henti; schön — старонѣм. skoni, füllen—готск. fulljan. Нѣмецкій языкъ представляетъ аналогію чешскому и въ хронологіи этого явленія: суженіе *a* и тамъ произошло раньше, чѣмъ суженіе u. Нѣмецкій языкъ также указываетъ на то, что въ чешскомъ языкѣ і произошло не прямо изъ u, а между ними была переходная ступень—ü.

Нарѣчіе *словацкое* не знаетъ суженія; оно сохраняетъ широкіе гласные: klíč—kľúč; lidé—ľudie; duse—duša и т. д. Также въ нѣкоторыхъ областныхъ говорахъ мы встрѣчаемъ отступленія отъ суженія: у *моравань* меньше суженыхъ гласныхъ, чѣмъ у чеховъ; но для звука *a* это слѣдуетъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ, тогда какъ относительно u надо признать сохраненіе старины.

Стяженіе, которое встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ чешскомъ весьма обычно: здѣсь нерѣдко происходитъ сліяніе двухъ гласныхъ, первоначально раздѣленныхъ исчезнувшимъ впослѣдствіи j. Такъ, глагольная примѣта *a* вмѣстѣ съ темовымъ гласнымъ *e* даетъ á: **играѥши**—hráš; *aja* и *oja* также даютъ á: **добраꙗ**—dobrá, **моꙗ**—má; *aje* и *uje* у членовыхъ прикладковъ даютъ é: **добраѥго**—dobrého, **доброуѥмоу**—dobrému. На двоякое стяженіе *aje*—въ á у глаголовъ и въ é у прикладковъ—д. б. вліяли акцентныя условія (при существованіи еще разномѣстнаго акцентованія): á могло развиться у глаголовъ, у которыхъ удареніе падало на а; кромѣ

того и тамъ, гдѣ *a* не было ударяемымъ, появленію á могло благопріятствовать присутствіе *a* въ другихъ формахъ, какъ напр. въ инфинитивѣ—dělati; у прикладковъ же удареніе было большею частью на корнѣ—этимъ можно оправдать появленіе *e*, и не за чѣмъ поэтому, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, предполагать формы dobrojego, -ojemu.

Приведемъ теперь соотвѣтствіе чешскихъ гласныхъ староцерковнымъ въ видѣ таблицы.

A—1)=**а**: dáti, hřad, 2)=**ѧ**: kot'ata, pátý.

E—1)=**є**: zena, 2)=**ѣ**: les, břeh, 3)=**ъ**: sen, 4)=**ь**: den, 5) *e* есть вставка, подражаніе органической бѣглости: báseň **стихотвореніе—баснь**, oheň—**огнь**, her—**игръ**, 6 и 7) *e* является плодомъ суженія *a*, которое само можетъ быть исконнымъ, или замѣнять **ѧ**: jesen—**ıасень**, kotě—**котѧ**.

I—1)=i: list, 2 и 3) можетъ быть плодомъ сүженія u исконнаго: lidé—**людиє**, или=**ѫ**: piji—**пиѭ**, 3 и 4) *i* есть плодъ суженія *a*, исконнаго: číše—**чаша** или=**ѧ**: přísti—**прѧсти**, 5)—плодъ стяженія ia, ie, iu, въ которыхъ первоначально второй элементъ подвергался суженію: psaní письмо=**пьсаниє**.

U и ou—1)=**оү**: sukno и soukenný и 2)=**ѫ**: sudí **сѫдии** и soud **сѫдъ**.

Оговорю здѣсь, что число звуковъ, совпадающихъ въ одномъ *e*, въ болѣе раннее время, какъ указалъ Гебауеръ, было меньше: а именно различались древнее *e* и *e* изъ глухихъ съ одной стороны и *e*=**ѣ** и возникшее путемъ суженія—съ другой; въ первомъ случаѣ являлось просто *e*, а во второмъ *e*, предшествуемое неслоговымъ i, выражавшемся на письмѣ буквою y. Итакъ писали n-e-s-u, n-e-h-o, что̀ читалось nesu, (do) ňeho, и n-y-e-z-n-y, w-o-n-y-e, k-o-t-y-e, что̀ читалось ni̯ežný, vōni̯e, koti̯e.

Согласные звуки.

Смягченіе мгновенныхъ зубныхъ, t и d, т. е. превращеніе первоначальныхъ сочетаній tj и dj, даетъ въ чешскомъ языкѣ c и z: староцерковное **свѣшта**, русское свѣча, звучитъ svíce; **пишта**, русское книжное пища, вм. -ча—píce; **враштати**, наше ворочать—vraceti; **межда**, межа, будетъ meze; **нѫжда**, наше народное нýжа,—nouze; глаголу угождать (мы имѣемъ славянскую фонему) соотвѣтствуетъ употребляю-

щееся въ матерьяльномъ значеніи «бросать» házeti,=*гваждати. Чешское смягченіе d въ z не находится въ полной гармоніи со смягченіемъ t. Какъ t, смягчаясь, дало c=tŝ, такъ d должно было бы дать dẑ; это явленіе аналогично съ русскимъ смягченіемъ *т* въ *ч*=*т̑ш* а *д*—въ *ж* вмѣсто *д̑ж*. Естественно думать, что первоначально въ чешскомъ языкѣ было dẑ, которое лишь потомъ обратилось въ z. Дѣйствительно, въ словацкомъ нарѣчіи смягченіе d даетъ dẑ: medza, nůdza, hádzať. Въ пользу вторичности z можно сослаться и на польскій языкъ, хотя свидѣтельство послѣдняго не такъ вѣско, какъ свидѣтельство словацкаго нарѣчія: изъ того, что польскій языкъ представляетъ miedza, nędza, dogadzać угождать, не слѣдуетъ еще, что и чешскій имѣлъ такой выговоръ: это доказываетъ только, что онъ существовалъ въ общемъ языкѣ сѣверо-западныхъ славянъ.—Когда староцерковное шт восходитъ къ stj или къ skj (либо ske, ski), тогда чешскій языкъ представляетъ почти то же, что староцерковный, именно št' — это тѣ случаи, гдѣ по-русски слышится щ, какъ народное произношеніе: houště—гуща (*гжшта), štika—щука, štít—щитъ (штитъ). Въ чешскихъ говорахъ встрѣчается также šč (щ), да и встарину было созвучіе *щ* (štš) *мягкое*, изъ коего затѣмъ, путемъ утраты послѣдняго элемента, вышло št'.—*Губные* смягчаются непосредственно: см. черезъ строку.

Чешскій языкъ не имѣетъ почти согласныхъ *мягкихъ*. Мягкими могутъ быть только три звука—t, d, n: telo, děd, kůň. Звуки губные, которые на письмѣ бываютъ также мягкими, представляютъ сочетаніе съ j: konopě (конопля) звучитъ konopje; hrábě (грабли), země (земля)—hrábje, zemje. Въ областной рѣчи въ этомъ отношеніи существуютъ архаизмы: кое-гдѣ губные могутъ произноситься мягко. Кое-гдѣ, съ другой стороны, сохраняется твердый ł. Итакъ обыкновенно причастіе bit совпадаетъ съ предметницей byt, мужеская форма элеваго причастія byli—съ женскою byly, но въ областныхъ говорахъ бываетъ между ними и разница.

Звукъ r передъ узкими гласными подвергается превращенію въ звукъ *шепелявый*: вмѣсто ŕ имѣемъ ř. Мягкій r, надо думать, такъ же, какъ губные, выдѣлилъ изъ себя j, а этотъ j перешелъ въ ž. Превращеніе j въ ž находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что r и ž—звуки родственные, оба передненёбные, хотя сочетаніе *рж* въ другихъ языкахъ рѣдко, и съ русской точки зрѣнія кажется стран-

нымъ, что обычное rj обращается въ рѣдкое rž. Разложеніе ŕ на rj имѣетъ аналогію въ словенскомъ языкѣ, гдѣ ŕ въ исходѣ отвердѣлъ, а передъ гласными обратился въ rj: vrtnár садовникъ, рóдникъ vrtnárja. Вслѣдствіе указаннаго превращенія произносятъ: řád (радъ), kořen, břeh, hřada (града), more. Звукъ ř содержитъ звонкій элементъ ž (r и z тѣсно сливаются); но подъ вліяніемъ предшествующихъ или послѣдующихъ согласныхъ, или стоя въ концѣ слова, онъ превращаетъ звонкій элементъ въ глухой: ř въ věřiti звучитъ какъ rž, но věř! věřte! представляютъ rš; точно также ř становится безголоснымъ послѣ k, ch, t, p: křik (кршик), chřipěti (хршипјети), tři (трши), příze (пршизе—пряжа). Такая замѣна ŕ существуетъ и въ польскомъ языкѣ, но тамъ rz упростился, такъ что=ż: morze море совпадаетъ съ może можетъ; такъ же, какъ по-чешски, является и безголосный выговоръ (*ш*): wierz, krzyk, chrzypieć, trzy, przędza.

Звукъ g въ чешскомъ языкѣ превратился въ h: hora гора, hus гусь, hlad, noha. Это h вмѣсто g естественно считать вторичнымъ звукомъ: надо думать, что въ общемъ языкѣ сѣверо-западныхъ славянъ не могло быть h, такъ какъ мы видимъ g у поляковъ, а также у нижнихъ лужичанъ. Въ самомъ чешскомъ языкѣ есть указанія на то, что первоначально здѣсь былъ звукъ g. Эти указанія заключаются въ передачѣ латинскими хрониками и грамотами чешскаго h въ собственныхъ именахъ черезъ g, а не черезъ h. Въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуютъ также нѣмецкія формы мѣстныхъ названій, представляющія g вм. h: въ западной Моравіи есть городъ, который называется по-чешски Jihlava, а по-нѣмецки Iglau; Praha по-нѣмецки Prag, по-латыни Praga. G мы находимъ не во всѣхъ нѣмецкихъ названіяхъ чешскихъ мѣстностей: въ позднѣйшихъ заимствованіяхъ мы встрѣчаемъ h, напр. Hostau—Hostouň (въ западной Чехіи). Чешскій ученый Іосифъ Йиречекъ (Jireček), прослѣдивъ по грамотамъ появленіе h, говоритъ что подъ конецъ XII вѣка h стало замѣнять собою g. Добровскій еще раньше отмѣтилъ, что встарину чешскія имена являются въ латинской передачѣ съ буквой g, хотя уже въ 1088 г. есть одинъ примѣръ, гдѣ стоитъ h: Bohumil. Замѣчу однако, что въ употребленіи буквы g не заключается прямого указанія на взрывное g: старо-чешское g могло быть *г* протяжимымъ — нашимъ г въ словѣ *благо*: этотъ звукъ во всякомъ случаѣ естественно предположить въ чешскомъ языкѣ, какъ

переходный отъ g къ h. М. б. даже въ общемъ языкѣ сѣверо-западныхъ славянъ существовалъ указанный звукъ, который потомъ въ однихъ языкахъ далъ g, а въ другихъ h. (Смягченіе g въ dz, предполагающее взрывное g, восходитъ къ праславянской порѣ).

Насчетъ звука ch отмѣтимъ, что онъ *смягчается* всегда въ ś (нѣкогда существовавшій мягкій s совпалъ съ š): mnich, мно́жное число mniši, по-староцерковному **мънисн**. Подобно тому и sk дало мягкое сочетаніе šč, а затѣмъ—št': uherský (**жгрьскын**) угорскій, венгерскій—uherští, ранѣе -ščí (**жгрьстин**); также český (**чешьскын**)—češčí,-ští (**чешьстин**), řecký,-cký (**грьчьскын**)—řečští,-čtí (**грьчьстин**). Таково же гусовское žd' въ давальникѣ mieždě вм. **мѣздѣ** къ miezha (новое mízha,-za) **мѣзга**, сокъ.

Укажу наконецъ еще, что вм. упрощеннаго звука **л** въ чешскомъ имѣются основныя (м. б., вообще или отчасти, лишь возстановленныя подъ вліяніемъ родственныхъ формъ и словъ) *сочетанія* dl и tl: sádlo, pometlo, padl, pletl, а вм. сочетаній **цв**, **зв** (**sв**) являются несмягченныя kv и hv: květ, hvězda. Срв. Краткую фонетику и морфологію польскаго языка, стран. 46—47.

Морфологія.

Первоначально у чеховъ были три числа, но новочешскій языкъ, какъ всѣ почти новославянскіе языки, утратилъ *двойное число*.

Въ *еровомъ склоненіи* мы видимъ по-чешски, существующее и въ другихъ славянскихъ языкахъ, различіе между именами одушевленными и неодушевленными. Потому при обзорѣ этого склоненія возьмемъ два примѣра, одушевленное имя и неодушевленное: had змѣя и sud бочка.

Относительно *назывнаго* падежа слѣдуетъ замѣтить, что онъ иногда представляетъ количественное различіе отъ другихъ падежей: chléb—chleba, mráz—mrazu, vítr—větru; это впрочемъ единичные случаи, — гораздо чаще чередованіе ů (первонач. ó) съ o, напр., Bůh—Boha; чередованіе ů съ o встрѣчается также и въ склоненіи и́жевомъ: sůl—soli.

Въ падежѣ *ро́дномъ* проявляется различіе между одушевленными и неодушевленными именами: одушевленныя имѣютъ окончаніе *a*, неодушевленныя—*u*: hada, sudu. Однако въ старину окончаніе *a* было

гораздо употребительнѣе и встрѣчалось также у неодушевленныхъ именъ; даже и въ настоящее время имѣется цѣлая масса исключеній. Одно изъ этихъ исключеній служило намъ примѣромъ на количественное колебаніе: chléb — chleba; сюда же принадлежатъ слова večer—večera, kostel—kostela; иногда употребляются оба окончанія: les имѣетъ lesa и lesu, hřích — hřícha и hříchu. Въ старинномъ языкѣ, какъ указалъ Гебауеръ, самое различіе между одушевленными и неодушевленными именами не можетъ считаться правиломъ; въ старину можно скорѣе поставить различіе между названіями *личными* и *неличными*, т. к. названія животныхъ тамъ стоятъ на одной доскѣ съ неодушевленными.

Кромѣ *a* и *u* встрѣчаемъ еще окончаніе *e*, которое идетъ отъ древнихъ согласныхъ основъ; мы его видимъ у словъ, которымъ оно свойственно издревле: kámen—kamene (есть и kamena), ječmen—ječmene (и ječmena). Однако бываетъ и вторичное е: popel пепелъ—popela и popele, týl — týla и týle; появленіе здѣсь *e* объясняется утратою твердаго ł и вліяніемъ мягкаго различія, гдѣ *e* произошло изъ *a*.

Въ *давальномъ* падежѣ мы имѣемъ окончанія u и ovi, изъ которыхъ второе идетъ изъ ŭковаго склоненія; у неодушевленныхъ встрѣчается исключительно u, зато у одушевленныхъ чаще ovi: sudu, hadovi. Обыкновенное правило такое, что одушевленныя допускаютъ u только въ соединеніи съ прикладками, а безъ прикладка ovi обязательно: dám bratrovi. Исключеніе составляетъ Bůh, которое имѣетъ Bohu и не знаетъ окончанія ovi, что̀ довольно странно, въ виду распространенности формы богови въ староцерк. языкѣ.

Винильный падежъ у именъ одушевленныхъ = ро́дному, у неодушевленныхъ = назывному: hada, sud. Однако въ старину мы видимъ здѣсь то же различіе, какъ и въ ро́дномъ падежѣ: различались имена личныя и неличныя, и имена животныхъ имѣли винильный падежъ, равный назывному, напр.: cedjéce komár a velbúd sehltajéce. Впрочемъ тогда и у личныхъ появлялся такой винильникъ: věři (вѣрую) Buoh; до настоящаго времени сохраняется нарѣчное выраженіе: pro Bůh—ради Бога.

Зовный падежъ имѣетъ *e*: hade, sude. Отъ смягченія согласныхъ, которое должно происходить передъ этимъ *e*, чешскій языкъ нерѣдко уклоняется: хотя образуются формы člověče, Bože, duše, но послѣ

задненёбныхъ охотно употребляется заимствованное изъ уковаго склоненія окончаніе u: jazyku, vrahu (vrah убійца), hochu (hoch парень); syn также имѣетъ synu — это архаизмъ. Уклоняются отъ смягченія и слова на r, хотя и принимаютъ *e*: doktor—doktore, и r у нихъ становится шепелявымъ только при предшествующемъ согласномъ: bratr—bratře.

Творный падежъ кончается на em = ъмь: hadem, sudem.

Мѣстный падежъ у одушевленныхъ кончается на u и ovi, какъ давальный, только ovi здѣсь мало употребительно. Неодушевленныя имѣютъ u и e (= ѣ): sudu, sudě; вторичное u изъ уковаго склоненія возобладало и отодвинуло ě на задній планъ — послѣднее употребляется преимущественно послѣ предлоговъ v и na: v sudě, но o sudu, na dubě, но o dubu *). Окончаніе ě особенно рѣдко послѣ задненёбныхъ, которые передъ нимъ подлежали бы смягченію—хотя встрѣчается v stoze, v roce (rok годъ), v kožiše (kožich—кожухъ т. е. шуба), охотнѣе говорятъ v stohu, v roku, v kožichu.

Въ *назывномъ* падежѣ множнаго числа мы находимъ нѣсколько окончаній, изъ коихъ одни присвоены по преимуществу одушевленнымъ, другія неодушевленнымъ. Окончаніе *i*, равное древнему и, сдѣлалось достояніемъ одушевленныхъ; въ противоположность ему окончаніе *y* присвоено неодушевленнымъ: hadi, berani (бараны), komáři, vojáci (солдаты), lenoši (лѣнтяи), но sudy, berany (тараны), dvory, bodáky (штыки), lenochy (спинки у креселъ). Во многихъ случаяхъ разница между i и y существуетъ здѣсь только на письмѣ: хотя пишутъ bi въ holubi и by въ duby, но читаютъ и то и другое одинаково. Окончаніе y встрѣчалось въ старину рѣдко и въ старомъ языкѣ можно указать много случаевъ, гдѣ имена неодушевленныя имѣютъ окончаніе i, какъ mraci, větři, вмѣсто которыхъ теперь обязательны mraky и větry. Окончаніе y появляется однако уже въ старомъ языкѣ и почти только у неодушевленныхъ. Относительно стариннаго языка надо еще замѣтить, что здѣсь дѣло не всегда ясно: не разъ окончанія можно толковать и такъ, и иначе, потому что буквы i и y употреблялись безразлично. Критеріемъ можетъ служить только смягченіе предшествующаго согласнаго, напр. dłuzi, hřieši и уже приведенные mraci, větři, а кромѣ того оконча-

*) По-русски наоборотъ: въ саду́, на берегу́, но—о са́дѣ, о бе́регѣ.

ніе согласованнаго съ данною предметницею прикладка: такъ въ соединеніяхъ visoke dubi и visoci dubi согласованіе показываетъ, что нужно читать vysoké duby и vysocí dubi. Назывникъ на y есть винильникъ въ роли назывника, каковое употребленіе винильника могло появиться вслѣдствіе тождества этихъ падежей въ одинномъ числѣ. Окончаніе это употребляется также у названій народовъ, когда они служатъ для обозначенія странъ, напр. uher угорецъ, венгерецъ: Uhři угры, венгры, а Uhry—Угрія, Венгрія, vlach итальянецъ: Vlaši итальянцы, Vlachy—Италія.—Еще мы для множнаго назывника находимъ окончаніе *ové*, идущее изъ ўковаго склоненія, равное староцерк. **овє**. Это окончаніе присвоено одушевленнымъ, но не исключительно; кромѣ того оно связано еще съ однимъ условіемъ—его любятъ слова односложныя: duch—duchové, pán—pánové; къ односложнымъ словамъ надо отнести также двусложные, имѣющія бѣглое *e*: otec (живая основа otc)—otcové; orel—orlové; сюда же относятся слова на ek: svědek свидѣтель—svedkové. Изъ неодушевленныхъ это окончаніе является особенно у собирательныхъ, представляющихъ одушевленныя единицы: národ—národy и národové; stav сословіе — stavové; кромѣ того окончаніемъ ové пользуются тамъ, гдѣ форму на y можно бы принять за винильникъ. Въ такихъ случаяхъ позволительны образованія въ родѣ hříchové вм. hříchy, zázrakové чудеса вм. zázraky.— Далѣе появляется назывничное окончаніе é, употребительное у словъ на an, такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ у соотвѣтствующихъ имъ словъ на анин: měšt'an горожанинъ (встарь měštěnín)— měšt'ané. То же окончаніе é имѣютъ нѣкоторыя слова на l и d: andělé, sousedé (соотвѣтствуетъ по огласовкѣ предлога народному нашему «сусѣдъ», какъ и польское sąsiad, староцерк.—**сѫсѣдъ**); то же окончаніе свойственно слову manžel супругъ, въ значеніи мужъ и жена, чета: manželé, тогда какъ manželové значитъ «мужья».—Существуетъ еще окончаніе, впрочемъ рѣдкое — *í*, которое идетъ очевидно изъ ижеваго склоненія; такъ červí прямо равняется староцерк. **чръвиѥ**, но это окончаніе распространилось и на слова, которыя первоначально не имѣли на него права: hoch парень — hoší; čech — češí, рядомъ съ čechové *).—Изрѣдка встрѣчается окончаніе

*) Отъ этого í, надо полагать, заимствовали свою долготу окончанія é и ové, т. к. конечные гласники по-чешски бываютъ долгими исключительно вслѣдствіе стяженія.

а, которое по-русски получило столь широкое распространеніе: hon проселочная дорога можетъ образовать множное число hona рядомъ съ hony, oblak—oblaka рядомъ съ oblaky.

Въ *рóдномъ* падежѣ находимъ окончаніе ův и усѣченное ů: hadův и hadů, восходящее къ болѣе раннему uov, получившемуся изъ óv. Встрѣчается въ старочешскомъ и окончаніе uo, а также нѣсколько примѣровъ на простое (очевидно долгое) *о*. **Овъ** идетъ, какъ извѣстно, изъ уковаго склоненія; настоящимъ же окончаніемъ ероваго склоненія былъ **ъ**, каковое окончаніе по-чешски должно было явиться въ видѣ безсуффиксности. Однако подобныя формы уже въ старину составляли рѣдкость, хотя съ другой стороны нѣкоторыя уцѣлѣли и по настоящее время; употребляется напр. форма kamen—въ переносномъ значеніи вѣса, 20 фунтовъ: pět kamen vlny (100 фунтовъ шерсти), также употребляется выраженіе z kořen изъ корней, т. е. съ корнемъ. Безсуффиксный рóдникъ составляетъ до сихъ поръ правило у именъ народовъ, употребляемыхъ для обозначенія страны: Uhři венгерцы образуетъ рóдникъ Uhrův, - ů, а Uhry Венгрія — Uher, Vlaši итальянцы — Vlachův, -ů, а Vlachy Италія — Vlach. Такое употребленіе существовало уже въ старочешскомъ, хотя не было вполнѣ установленнымъ: тамъ встрѣчается напр. безсуффиксный рóдникъ čech въ смыслѣ чеховъ—mnoho čech.

Въ *давальномъ* падежѣ мы имѣемъ окончаніе ům, образовавшееся черезъ uom, изъ óm (= **омъ**): hadům.

О падежѣ *винильномъ* мы уже говорили въ связи съ назывнымъ и отмѣтили, что онъ оканчивается, какъ и въ староцерковномъ, на **ы**: hady, vojáky, sudy.

Творный падежъ сохраняетъ архаическую форму, совпадающую съ винильнымъ, т. е. тоже оканчивается на y. Окончаніе это употребляется почти исключительно въ книжной рѣчи; изъ народныхъ говоровъ оно указано только въ одномъ. Обыкновенно же просторѣчіе уклоняется отъ него, при чемъ особенно любимою его замѣною служитъ ama: hadama, vojákama (двои́нная форма азóваго склоненія). Кромѣ ama существуетъ еще, также азóвое, но множи́нное ami: hadami. Окончаніе ami отчасти допускается и въ литературной рѣчи, именно тамъ, гдѣ твóрному падежу приходится стоять рядомъ съ винильнымъ и ихъ трудно бываетъ различить, какъ напр.

въ выраженіи trhal zuby nehtami: если поставить nehty, то будетъ непонятно, зубы ли ногтями, или ногти зубами.

Въ *мѣстномъ* падежѣ мы имѣемъ окончаніе ích, стар. iech = **ѣхъ**: hadích. Но рядомъ съ этимъ iech уже въ старочешскомъ пріобрѣтаетъ большее распространеніе противъ первоначальныхъ границъ, а въ новочешскомъ языкѣ еще болѣе утверждается окончаніе ech, которое можно приравнить къ **ьхъ** (йжеваго склоненія): hadech по образцу hostech *). Это ech особенно любимо послѣ d, t, n, r, т. е. послѣ согласныхъ, способныхъ къ умягченію и шепелявому выговору, каковыя измѣненія становятся излишними передъ ech. Подобной же причинѣ обязано бо́льшимъ распространеніемъ азо́вое окончаніе ách: именно послѣ задненёбныхъ въ просторѣчіи почти всегда употребляется это окончаніе: na rohách (на рогахъ, на углахъ), v potokách, o hříchách, хотя книжная рѣчь предпочитаетъ ích: na rozích, v potocích, o hříších. И литературный языкъ уклоняется отъ окончанія ích, когда предшествуетъ čk, и вмѣсто какого-нибудь ráčcích предпочитаетъ ráčkách. У словаковъ кромѣ указанныхъ окончаній употребляется еще och: hadoch, идущее изъ уковаго склоненія, гдѣ оно и въ староцерковномъ весьма обычно: **сынохъ** (о, думаю, взято въ замѣнъ **ъ** изъ другихъ падежей, какъ **сынови, -ове, -овъ**).

Въ мѣстномъ падежѣ надо отмѣтить еще одно старинное окончаніе. Въ старинныхъ граматахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, отмѣчены нѣкоторыя мѣстныя названія съ окончаніемъ as, которыя естественно толковать какъ падежъ мѣстный: Dolas, Polas, Lusas, что̀ надо полагать, читалось Dol'ás, Pol'ás, Łužás. Формы эти находятъ соотвѣтствіе въ старосербскомъ языкѣ, въ староболгарскомъ и въ старорусскомъ, а именно въ несторовскихъ **полахъ, древлахъ**, при однинѣ **поляниинъ, древляниинъ** (**а** = **ꙗ**), въ сербскихъ **граћамь, -ахь**, при однинѣ **граћаниинь**, и въ болгарскихъ **трoꙗмъ, -ꙗхъ** къ **троꙗниинъ** — такъ что Dol'ás, Pol'ás и Łužás относятся къ словамъ dolěnín, polěnín, łuženín—это образованіе отъ согласныхъ основъ, которыя въ одинномъ числѣ приняли новый суффиксъ **ин**; звукъ *a* въ нашемъ окончаніи развился, послѣ j, изъ ē (срв. **словѣниинъ**), и dol'an- предполагаетъ болѣе раннюю фонему doljēn-. Производя отъ основы на n мѣстный падежъ съ суффиксомъ su, мы получаемъ:

*) Какого-нибудь synech=**сынъхъ** по-старочешски не встрѣчается.

doljēnsu (м.б.-ĕnsu, или-n̥su), что затѣмъ дало **долысъ**. Русское и чешское *a* (ja) можно бы выводить отсюда фонетически, но появленіе *a* у сербовъ, у болгаръ и (въ нѣкоторыхъ слѣдахъ) у словенцевъ, указываетъ на то́, что здѣсь *a* праславянское: **ѧ**, надо полагать, былъ замѣненъ черезъ *a*, которое развилось въ другихъ падежахъ—**долѧне**, **-ѧнъ** и т. д. Появленіе у чеховъ звука s находитъ себѣ фонетическое оправданіе: послѣ **ѧ** s не переходитъ въ **х**—мы имѣемъ **масо**, а не **махо**, **трасѧ**, а не **трахѧ**; русское же, сербское, болгарское и словенское *ахъ* легко объясняется примѣненіемъ къ обычному во всѣхъ склоненіяхъ **хъ**.

Въ *двойномъ* числѣ, которое сохранялось въ старочешскомъ языкѣ, вниманія заслуживаетъ падежъ *назывный*, онъ же винильный и зовный. Здѣсь возобладало окончаніе уковаго склоненія—у: по образцу voly (волы) стали говорить также hady, и лишь изрѣдка встрѣчается окончаніе *a*: dva bratra, dva pána. Другіе падежи—родно-мѣстный hadú и давально-творный hadoma соотвѣтствуютъ староцерковнымъ.

Мягкое различіе. Въ мягкомъ различіи окончанія падежей измѣнены суженіемъ. Но нерѣдко происходятъ заимствованія окончаній у твердаго различія. Hráč игрокъ, *родный* пад. hráče, meč—meče: *e* изъ *a*. Окончаніе *e* является также у нѣкоторыхъ словъ, какъ остатокъ согласнаго склоненія: мы видѣли формы kamene, dne; что это формы древнія, а не по мягкому различію, слѣдуетъ изъ того, что тогда было бы kameně, dně—слово ohen имѣетъ ohně.

Въ *давальномъ* падежѣ является окончаніе *i*, суженное изъ u: hráči, рядомъ съ которымъ у этого слова, какъ у одушевленнаго, стоитъ ovi: hráčovi, заимствованное изъ твердаго различія—въ старину еще встрѣчается *e*vi.

Падежъ *винильный* равенъ назывному у неодушевленныхъ и ро́дному у одушевленныхъ предметовъ. Однако старочешская рѣчь, какъ и при твердомъ окончаніи, различала не между одушевленными и неодушевленными именами, а между личными и неличными, вслѣдствіе чего говорили L'ubuša kóň pusti; но въ настоящее время уцѣлѣло только выраженіе na kůň на коня верхо́мъ. Отъ названій лицъ винильный равный назывному встрѣчался лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ: bychom pně za král' měli. Въ этой же фразѣ мы наоборотъ отъ pen имѣемъ винильный равный ро́дному. Какъ по-русски до сихъ поръ сохраняется винильникъ «мужъ» въ

выраженіи выходить замужъ, такъ было и въ старо-чешскомъ jíti za muž; теперь однако это выраженіе утрачено, и вмѣсто него употребляется vdávati se; словаки впрочемъ говорятъ ist' za muž.

Окончаніе *зовнаго* падежа есть *i*, суженное изъ u: hráči. Окончаніе *e*, также унаслѣдованное отъ старины, имѣется у словъ на ec: strýc (дядя, patruus)—strýče; ujec (дядя по матери, avunculus)—ujče. Подъ эту аналогію подошли и слова на ic, рус. ич: dědic наслѣдникъ—dědiče.

Творный падежъ—hráčem.

Мѣстный падежъ—hráči; изрѣдка является ovi, у одушевленныхъ именъ. Окончаніе i хотя и могло бы равняться староцерковн. **и**, но надо думать, не равно ему. Дѣло въ томъ, что въ старинныхъ памятникахъ, хотя и читается i, но обыкновенно является u—hráču. Подобнымъ же образомъ въ старинномъ польскомъ языкѣ почти нѣтъ примѣровъ на i, а является то окончаніе, которое господствуетъ и теперь,—u: graczu, królu. Поэтому слѣдуетъ думать, что здѣсь произошло заимствованіе изъ уковаго склоненія, впослѣдствіи сглаженное суженіемъ. Впрочемъ въ областной рѣчи (въ нѣсколькихъ моравскихъ разнорѣчіяхъ) указываютъ окончаніе i въ мѣстномъ падежѣ, тогда какъ давальный оканчивается на u: na koni, а дав.—koňu.

Назывный пад. множнаго числа имѣетъ тѣ же окончанія, что и въ твердомъ различіи, только вмѣсто y является здѣсь e. Итакъ: hráči, dědicové; evé уже и въ старину почти не встрѣчается. Окончаніе é въ мягкомъ различіи господствуетъ у слова на tel: učitel—učitelé. Окончаніе í является, напримѣръ, у слова muž—muží.

Неодушевленныя имена оканчиваются на ĕ—meče; это окончаніе, подобно окончанію «y» твердаго различія, надо выводить изъ винильнаго пад. Можно бы приравнить его староцерк. **ѧ**: meče=**мечѧ** (**мьчѧ**), но появленіе того же *e*, а не *a*, у словаковъ заставляетъ насъ отожествить его со старорусскимъ окончаніемъ **ѣ**: **мечѣ**.

Въ языкѣ старинномъ неодушевленныя допускаютъ также окончаніе i: meči, да и въ настоящее время иногда неодушевленнымъ придаютъ окончанія одушевленныхъ, именно ové: mečové. Окончаніе ové, по замѣчанію Гебауера, въ живой рѣчи нелюбимо, оно чуть ли не исключительно книжное.

Подобно неодушевленнымъ слово kůň образуетъ множное число koně; есть также koní и koňové. Форму koně можно считать формою двойнаго числа, но можно здѣсь видѣть и старинное различіе между именами личными и неличными. Рѣшительно я вывожу изъ двойнаго числа rodiče (родители, т. е. отецъ и мать), которому противополагается rodiči и rodičové—родители, отцы.

Падежъ *родный* имѣетъ тѣ же окончанія, какъ и въ твердомъ различіи—ův, ů (уже встарь употребляли uov, óv, и почти не встрѣчается év): это подражаніе твердому различію. Есть также (довольно скудные) остатки рóдника на ь, въ видѣ рóдника безсуффикснаго; такъ peníz образуетъ peněz, которое по правилу современной грамматики употребляется въ значеніи «денегъ», а въ значеніи «монетъ» велятъ говорить penězův. Безсуффиксный рóдникъ имѣютъ (какъ и въ твердомъ различіи) имена народовъ, употребленныя въ значеніи странъ: Němec образуетъ Němce Германія — рóдникъ Němec. Въ старину можно указать еще нѣкоторые случаи употребленія безсуффиксной формы отъ одушевленныхъ, напримѣръ, mnoho král'. Нѣсколько примѣровъ на безсуффиксный рóдникъ встрѣчается у родовыхъ названій на ovic, напр. Vršovic płuk — полкъ Вершовичей. Окончаніе ovic сохраняется даже до сихъ поръ, притомъ въ просторѣчіи, въ видѣ закостенѣлой формы; оно употребляется при названіи дѣвушки по ея семьѣ: дочь мельника, если ее зовутъ Аннушкой, будетъ mlynařovic Anička; такимъ же образомъ вм. Mařinka Němcova (мужескій видъ этой фамиліи—Němec) говорится Němcovic Mařinka. Есть еще рóдникъ на í: kůň можетъ образовывать koní. Эта форма возникла рано и преобладала уже въ старочешск. яз.

Давальный падежъ имѣетъ окончаніе ům: hráčům; фонетически, надо думать, развилось окончаніе ím (изъ ém), какъ koním. Однако уже въ старину ém было отодвинуто на задній планъ заимствованнымъ óm.

О *винильномъ* падежѣ мы говорили въ связи съ назывнымъ.

На счетъ *творнаго* къ сказанному уже въ твердомъ различіи слѣдуетъ прибавить, что кромѣ окончанія *i* и кромѣ emi, соотвѣтствующаго твердому ami, существуетъ также mi, идущее изъ ижеваго склоненія. Уже въ старину въ подражаніе какому-нибудь zetmi возникаютъ mužmi, koňmi.

Окончаніе *мѣстнаго* падежа есть ích: hrácích; въ старину нерѣдко является вмѣсто ích взятое изъ твердаго различія iech: koniech.

Въ *двойномъ числѣ назывно-винильно-зовный* пад. имѣетъ окончаніе *e*: hráče, съ правильнымъ суженіемъ. *Родно-мѣстный* оканчивается на ú и на í: hráčú и hráčí, при чемъ второе окончаніе сужено изъ перваго. Въ *давально-творномъ* является ema, но чаще, въ подражаніе твердому различію, oma: hráčema,-oma.

Въ той разновидности мягкаго различія, которую я называю *іотовой*, по-чешски число падежей значительно сократилось: вслѣдствіе су́женія и стяженія почти по всѣмъ падежамъ прошло í: такъ имя Jiří вездѣ звучитъ такимъ образомъ, кромѣ тво́рника, Jiřím. Меньше утратъ произошло во мно́жномъ числѣ. Напр. слово krejčí—портной, въ падежѣ назывно-винильно-зовномъ совпадаетъ съ большинствомъ падежей одиннаго числа, но въ давальномъ имѣетъ особую форму — krejčím, въ творномъ — krejčími и въ мѣстномъ – krejčích; изъ этихъ трехъ падежей творный представляетъ новотворку по образцу прикладковъ. И въ другихъ падежахъ такія слова могутъ подражать сложному склоненію: сохраняя въ соединеніи съ прикладками скудное самородное склоненіе, напр. svatý Jiří, svatého Jiří, svatému Jiří, они, стоя отдѣльно, сами принимаютъ прикладочныя окончанія: Jiřího, Jiřímu.

На склоненіи *о́новомъ*, послѣ сказаннаго объ е́ровомъ, останавливаться почти не стоитъ. Число *двойное* находилось въ соотвѣтствіи со староцерковнымъ: отъ město городъ двоина̀ была městě, městú, městoma. Во *множинѣ* оноваго склоненія мы видимъ подобныя же уклоненія отъ древнихъ окончаній въ сторону азо́ваго склоненія, какъ въ еровомъ. Притомъ эти уклоненія здѣсь обычнѣе и появились раньше, что́ очевидно зависѣло отъ того, что переходу азовыхъ окончаній въ склоненіе оновое содѣйствовало окончаніе *a* въ назывно-винильномъ падежѣ: форма města благопріятствовала новотворкамъ městám,-ami,-ách. (Въ языкахъ русскомъ и словенскомъ окончанія азоваго склоненія тоже перешли прежде въ оновое, а потомъ уже въ еровое склоненіе). Въ *мягкомъ* различіи, гдѣ мы имѣемъ измѣненіе окончаній вслѣдствіе суженія, иногда являются формы, заимствованныя изъ твердаго различія: къ pole вмѣсто ро́дника pole, давальника poli встрѣчаются вторичныя pola, polu, и во множномъ назывникѣ при pole—pola. Вниманія, сравнительно со староцерк., но не съ рус-

скимъ, заслуживаетъ множный рóдникъ на í: polí, moří. Лишь въ видѣ исключенія имѣются безсуффиксный рóдникъ у словъ на ище: ohniště очагъ—ohnišť; исключеніе составляетъ также vejce яйцо—vajec; встарь еще srdce—srdec (теперь—srdcí). У словъ іотовой разновидности, въ родѣ psaní письмо, вслѣдствіе сокращенія числа падежей, въ народной рѣчи замѣчаются тѣ же заимствованія, что и въ склоненіи еровомъ; но такія формы, какъ psaního, psanímu, въ литературномъ языкѣ не приняты.

Въ *азóвомъ* склоненіи слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе между падежами *винильнымъ* и *твóрнымъ*: слово ryba, образуетъ вин. rybu, твор.—rybú, новочешск. rybou. Новочешское ou фонетически объясняется изъ ú, но ou имѣется и въ словацкомъ нарѣчіи, гдѣ рядомъ стоятъ ú и ou. Словацкое ou нельзя объяснять изъ ú, и слѣдуетъ выводить изъ староцерк. **оѭ**, черезъ oju, o-u. Долгота въ чешскомъ твóрникѣ указываетъ на стяженіе: едва ли слѣдуетъ восходить здѣсь къ праславянскому **ѫ**—тогда бы окончаніе было кратко,—а надо выводить ú изъ o-u, oju=**оѭ***). Замѣтимъ далѣе, что чешскій языкъ, сохраняя вообще падежъ *зовный* иногда замѣняетъ его назывнымъ; притомъ довольно странно, что замѣна эта происходитъ именно у словъ, которыя должны употребляться довольно часто въ зовномъ падежѣ, какъ kmotra кума, holka дѣвушка. Также и собственныя имена не всегда образуютъ этотъ падежъ: при Anno! мы имѣемъ и Anna! Еще слѣдуетъ отмѣтить, что окончаніе давальнаго и мѣстнаго падежа мнóжнаго числа представляетъ долготу: rybám, rybách. Нѣкоторыя словà мѣняютъ въ склоненіи количество коренного гласнаго. Это словà двухсложныя, у которыхъ предъ окончаніемъ a стоитъ только одинъ согласный. Такія словà передъ окончаніями долгими и передъ двухсложнымъ ami, а также въ рóдномъ пад. множн. числа, *сокращаютъ* коренной гласный: brána ворота—твор. branou, мн. родн. bran, дав. branám, творн. branami, мѣстн. branách. Подобное же явленіе мы встрѣчаемъ и въ сербскомъ языкѣ, гдѣ давально-творно-мѣстный падежъ множинѝ иногда превращаетъ долготу въ краткость: рýка—рŷке, но рỳкама. Другіе примѣры на ко-

*) Словацкую двойственность, кажется, нельзя объяснить иначе, какъ древними акцентными различіями: rỳboju могло дать rybú, a vodòju—vodou.

лебаніе количества въ чешскихъ азо́вкахъ: míra — měrou, měr, měrám, měrami, měrách; trouba — trubou, trub, trubám, trubami, trubách.

Въ *мягкомъ* различіи окончанія, какъ въ еровомъ и оновомъ склоненіи, значительно измѣняютъ свой видъ вслѣдствіе су́женія: такимъ образомъ, слово **кола** является въ видѣ vůle, родн. vůle, дав.-мѣстн. vůli, вин. vůli, творн. vůlí; множн. ч. vůle, родн. vůlí (срв. русское: свѣчей). Встрѣчаются и безсуффиксные ро́дники, но они составляютъ исключеніе; мы видимъ ихъ у словъ на ice и на yně, и то не всегда: ulice — ulic, jeskyně пещера — jeskyň. Въ другихъ косвенникахъ, вслѣдствіе суженія, находимъ окончанія ím, ěmi, ích: vůlím, vůlemi (jeskyněmi), vůlích. Иногда встрѣчается em и ech: ulicem, ulicech. Послѣднія окончанія должно считать заимствованіемъ изъ и́жеваго склоненія. Кромѣ отмѣченныхъ случаевъ сближенія азо́ваго склоненія съ ижевымъ имѣются еще нѣкоторые; именно въ падежахъ назывномъ и винильномъ одиннаго числа могутъ опускаться окончанія *e* и *i*: такимъ образомъ, houště и houšti (houště значитъ чаща) могутъ сокращаться въ houšť; также mříže и mříži (сѣть) — являются въ видѣ mříž. Я склоненъ думать, что здѣсь въ основаніи лежатъ нѣкоторыя слова, издревле представлявшія колебаніе между двумя склоненіями: zem рядомъ съ země, срв. рус. *на земь*; souš рядомъ съ souše, по-русски *суша* и *сушь*; tvrz вм. предполагаемаго *tvrd рядомъ съ tvrze, ср. староцерк. **тврьдь**, рус. *твердь*; однако именно zem, súš и tvrz въ стариномъ языкѣ не отмѣчены. Подъ вліяніемъ ижеваго склоненія появилось также *i* въ ро́дномъ падежѣ: houšte можетъ образовать ро́дникъ houšti, tvrze—tvrzi. Въ *іотовой* разновидности мягкаго различія суженіе и стяженіе повели въ одинномъ числѣ къ полной утратѣ склоненія: **лади**, **-нія**, **-нію** и **-нієѫ** слились въ одной фонемѣ lodí. Такимъ образомъ утратило свое склоненіе и слово **сѫдии**—sudí; но, будучи мужескаго рода, оно, подобно іотовымъ словамъ ерового склоненія, охотно заимствуется у прикладковъ, и образуетъ sudího, sudímu, -ím. Другія слова мужескаго рода азо́ваго склоненія отчасти переходятъ въ еровое склоненіе. Такъ слово sluha (или slouha) образуетъ въ одинномъ числѣ давальникъ sluhovi (рѣже sluze), а во множинѣ падежи назывный, родный и давальный

звучать sluhy, sluh, sluhám и sluhové, sluhův (-hů), sluhům. То же самое замѣчается у соотвѣтственныхъ словъ мягкаго различія: напр. у слова soudce = sudí (**сѫдьцı**) является давальникъ soudcovi и множинные падежи soudcové,-cův (-ců),-cům.

Что̀ касается *и́жеваго* склоненія, то оно, оказавъ, какъ мы видѣли, вліяніе на азо́вое, въ свою очередь заимствуется у азоваго. Такъ въ одинномъ числѣ *родный* пад. оканчивается часто вмѣсто *i* на *e*: dlaň—dlaně, sít'—sítě. У нѣкоторыхъ словъ замѣчается колебаніе между *i* и *e*, у иныхъ даже возобладало вторичное ě. Также заимствованы изъ азоваго склоненія окончанія ím и ích, допускаемыя иными словами вмѣсто em, ech: husím, husích. Падежъ *зовный* въ этомъ склоненіи обыкновенно замѣняется назывнымъ, хотя встрѣчаются образованія по-старинному, на i: roskoši, krvi. Къ ижевому склоненію принадлежатъ также нѣкоторыя слова *муж. рода*. Въ старочешскомъ мы находимъ еще органическое склоненіе такихъ словъ, но теперь отъ него сохранились лишь обломки. По-старочешски принадлежали сюда напр. zet, kmet, test, chot (супругъ), hospod. Надо думать, что конечные согласные здѣсь не были ни мягкими, ни твердыми, а были средними. Въ болѣе новое время, слова́ эти перешли въ еровое склоненіе, притомъ не всегда въ мягкое различіе: zet имѣетъ zetě, но встрѣчается и zeta. Сохраняются древнія формы множнаго числа у словъ **гость** и **людие**: hosté, hostí, hostem, hostmi, hostech; lidé и т. д. Но не всѣ слова муж. рода ижеваго склоненія перешли въ еровое склоненіе. Такія слова имѣли двоякую судьбу: они или мѣняли склоненіе, или, оставаясь въ томъ же склоненіи, мѣняли родъ. Напр. pečet, какъ и по-русски, перешло въ женскій родъ; въ женскій же родъ перешло слово pout—путь, также и zvěř (звѣрь—значитъ «дичь»).

Что касается *наращальнаго* или *е́стеваго* склоненія (древнихъ согласныхъ основъ), то *э́новыя* (иначе—на́шевыя) основы *муж. рода*, какъ kámen, въ старочешскомъ представляли полное склоненіе для одиннаго числа; однако это склоненіе, уже въ староцерковномъ не во всѣхъ падежахъ характерное, въ чешскомъ своеобразно лишь въ одномъ ро́дникѣ: kámen, родн.—kamene; дав. kameni могъ бы быть падежомъ ижеваго склоненія, твор. kamenem—ижеваго или ероваго. (Замѣтимъ, что двусложная форма kámen представляетъ á, трехсложныя формы—ă). Въ ро́дникѣ нерѣдко бываетъ колебаніе между e и a, въ

другихъ словахъ между e и u: kořene и kořena, plamene и plamena, kmene и kmenu (kmen—стволъ). Во множинѣ слова этого склоненія перешли вполнѣ въ склоненіе еровое. Слово den, которое въ староцерк. наиболѣе богато формами отъ согласной основы, по-чешски, кромѣ ро́дника dne, сохраняетъ также древній мѣстникъ на *e*, въ выраженіи ve dne днемъ; хотя обыкновенный мѣстный падежъ есть dni и dnu. Эновыя основы *средняго рода* встрѣчаются въ литературномъ употребленіи съ наращеніемъ и съ ро́дникомъ на *e*: sı́mě—semene (отмѣтимъ долготу въ двусложной формѣ и краткость въ трехсложныхъ, срв. kámen). Слова эти въ болѣе новое время обыкновенно переходятъ въ оновое склоненіе. Очевидно, прежде всего утратились здѣсь своеобразныя окончанія: стали говорить semena вмѣсто semene, semenu—вм. semeni, а потомъ возникъ также назывникъ semeno. Во множинѣ уже староцерковныя формы большею частью сходны съ оновыми. Замѣтимъ еще одно отдѣльное слово: **имѧ**, которое въ старину является въ видѣ jmě, jmene, а по-новочешски въ видѣ jméno.

Тве́рдовое различіе представляетъ колебаніе огласо́вки, обусловленное чередованіемъ широкихъ и узкихъ гласныхъ въ окончаніяхъ; по-новочешски, правда, нѣсколько разстроенное вліяніемъ однѣхъ формъ на другія. Мы уже видѣли, что kotě (ро́дникъ kotěte) образуетъ множину kot'ata; остальные падежи звучатъ kot'at, kot'atům, kot'aty, kot'atech. Послѣдній падежъ подправленъ: въ старочешскомъ было kotětech. Дво́йное число звучало kotěti, или kotětě (-**ти** и -**тѣ**, какъ и въ староцерк.), родно-мѣстный падежъ: kot'atú, давально-творный: kot'atoma или kotětema.

Различіе *э́совое* или *словово́е* въ новочешскомъ утрачено: сохранилось только нароще́ніе во мно́жномъ числѣ nebesa при одинномъ nebe. Въ послѣднемъ окончаніе *e* надо объяснять заимствованіемъ изъ старинныхъ косвенниковъ. Искусственно толкованіе Миклошича, который выводитъ nebe изъ nebjo, употребляемаго у силезскихъ чеховъ, въ опавскомъ говорѣ (Опава, по-нѣмецки Troppau): изъ nebjo могло произойти только nebě, а не nebe. Кромѣ того nebjo явно вторичная форма, для объясненія которой надо предполагать существованіе фонемы nebě, вошедшей потомъ въ сдѣлку съ древнимъ nebo. Мое толкованіе находитъ подтвержденіе въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ о какомъ нибудь nebjo и думать нельзя, а между тѣмъ почти

всегда говорится небе́. Встарину это склоненіе представляло архаическое нарощеніе и въ однинѣ: nebese,-i,-em; такъ же склонялись dřevo, koło, słovo.

Различіе *э́ровое* или *рцо́вое* въ языкѣ староцерк. было представлено только двумя словами: **мати** и **дъшти**; ихъ же мы находимъ и въ чешскомъ: máti, родн. mateře, вин. máteř (máteř въ областной рѣчи бываетъ также назывникомъ). Множина́ однако уже встарь была подведена подъ азовое склоне́ніе; теперь же въ областной рѣчи имѣется даже однинное matera. Еще заслуживаетъ вниманія, что назывникъ máti иногда является въ роли косвенныхъ падежей, такъ что получается слово несклоняемое: máti, od máti, při máti. Это оправдывается тѣмъ, что і для назывнаго падежа не характерно, а для ро́днаго и давально-мѣстнаго—одно изъ обычныхъ окончаній. Срв. сербское несклоняемое љу̂би супруга=**любы**. Чехи охотно замѣняютъ слово máti другимъ, производнымъ—matka (словомъ, коему еще больше посчастливилось у поляковъ). Новочешскій языкъ вовсе утратилъ слово **дъшти**, которое встарину употреблялось въ видѣ dci, dceře, и замѣнилъ его черезъ dcera; какъ слѣдъ древняго склоненія сохранился давально-мѣстный пад. въ видѣ dceři (отъ dcera было бы dceře, что̀ употребляется рѣдко) *).

Различіе *вѣдевое* сохраняетъ также нѣкоторые слѣды своего древняго склоненія, хотя въ другихъ случаяхъ совпадаетъ со склоненіемъ азовымъ или, чаще, съ ижевымъ, къ которому оно близко уже и въ староцерковномъ. Назывникъ всегда звучитъ církev, каковая форма замѣняетъ и зовникъ, который встарину имѣлъ свою особую форму církvi. Ро́дникъ církve; въ старинномъ языкѣ было также církvi, по ижевому склоненію. Во множинѣ назывный и винильный падежи—církve (винильный можетъ быть и církvi), родн. církví, дав. církvím, творн. církvemi, мѣстн. církvích. Встарину было: církvám, církvami, církvách, а также въ двоинномъ давально-творникѣ církvama.

Въ новочешскомъ есть нѣкоторые *остатки двойнаго числа*, у названій парныхъ частей тѣла. Слово ruka образуетъ во множинѣ наз.-вин.-зовный пад. ruce (=**рѫцѣ**), родно-мѣстный rukou (**рѫкоу**),

---

*) Приводимое еще въ чешскихъ грамматикахъ neti (родн. neteře) племянница—встрѣчается лишь въ одномъ подложномъ памятникѣ, откуда перешло въ книжное употребленіе.

творный—rukama. Однако употребляются также множинныя окончанія: рóдникъ ruk, мѣстникъ rukách, а дав. всегда rukám; въ падежахъ мѣстномъ и давальномъ являются также среднія формы между двóйнымъ и множнымъ числомъ: rukouch и rukoum (двоинное rukou со множинными флексіями ch и m, аналогично русскому «дву-хъ, дву-мъ»). Странно, что со словомъ ruka не идетъ вровень noha, образующее мнóжное число *nohy*; родно-мѣст. пад. nohou, рядомъ съ noh и nohách, дав. nohám, твор. nohama и nohami. (Есть также nohoum и -ouch). Слово ruka только въ переносномъ значеніи (напр., указателей на столбахъ) образуетъ множный назывникъ ruky. Oko и ucho имѣютъ множину́ oči и uši, твор. očima, ušima; дав. пад. očím и мѣстн. očích представляютъ множинныя окончанія. Рóдники očí и uší произошли, надо думать, изъ древнихъ očjú, ušjú (**оүню, оүшню**), но не характерны, срв. kostí, vůlí. Двоинное окончаніе является также у слова prs, **пръсь**, образующаго множный рóдникъ prsou (также prsů, prsí) — назывникъ prsy, prsové. Koleno и rámě или rameno тоже могутъ образовывать kolenou, ramenou.

Именному склоненію первоначально слѣдовали и *прикладки безчленные.* Склоненіе это сохранялось въ старочешскомъ языкѣ, но не въ полномъ видѣ. Въ одинномъ числѣ не было творнаго пад., во мнóжномъ и двóйномъ не существовало большей части падежей, и имѣлись только назывный и винильный. Въ новочешскомъ сохраняется это склоненіе, и въ томъ же объемѣ, у прикладковъ принадлежныхъ (притяжательныхъ): otcův dům, matčino pole, králova zahrada (zahrada—садъ), родн. otcov*a* domu, matčin*a* pole, králov*y* zahrady. Но простой народъ отказался уже отъ такого склоненія и ввелъ сложныя формы: otcového domu. Качественные прикладки сохранили безчленную форму для назывника, какъ по-русски, въ роли сказуемаго: muž je vesel, žena je vesela, dítě je veselo. Народная рѣчь и просторѣчіе даже въ этихъ случаяхъ часто употребляютъ членовую форму: veselý, veselá, veselé. Постоянно является въ именной формѣ, не образуя однако (какъ и по-русски) косвенныхъ падежей, прикладокъ rád, ráda, rádo, rádi, rády, ráda. Отмѣтимъ еще выраженіе choditi bos. Именной давальникъ встрѣчается при инфинитивѣ, въ такихъ сочетаніяхъ, какъ nelze mi živu býti. Этотъ давальникъ есть закостенѣлая форма, что̀ доказывается тѣмъ, что онъ появляется и во мнóжномъ числѣ: dětem náleží poslušnu býti.

Именной ро́дникъ въ роли винильника употребляется при глаголѣ činiti: činiti známa, oučastna, jista. Даже въ просторѣчіи есть выраженіе za půl čtvrta groše: полчетверта, т. е. $3^1/_2$. Сохранился, какъ несклоняемый, притяжательный прикладокъ весьма архаическаго образованія, на ь: Páně (Господень)—въ какихъ нибудь выраженіяхъ do chrámu Páně, léta Páně, děvka Páně мы имѣемъ правильное согласованіе, но е распространилось и туда, гдѣ его первоначально не могло быть, напр., chrám Páně, rukou Páně.

Личныя мѣстоименія и возвратное не представляютъ много особенностей. Отмѣтимъ своеобразную, по сравненію со староцерковнымъ языкомъ, но совпадающую съ русскою и почти со всѣми новославянскими, форму 1-го лица já; старочешскій однако зналъ и форму jáz. Вниманія заслуживаетъ ро́дникъ mne (**мене**) съ опущеніемъ гласнаго, что́, надо полагать, есть подражаніе падежамъ давальному и творному. Формы mne, tebe и sebe служатъ также и для винильнаго падежа, замѣняя собою формы mě, tě, se (**мѧ, тѧ, сѧ**), которыя употребляются лишь какъ слабыя, энклитичныя. За то древній винильникъ сталъ служить также энклитичнымъ ро́дникомъ. Вниманія изъ-за огласовки заслуживаетъ дав.-мѣст. пад. tobě и sobě; соотвѣтственно чему и польскій представляетъ tobie, sobie, русскій (старинный и народный) тобѣ, собѣ. Давальникъ является также въ слабомъ видѣ, какъ mi, ti, si (послѣднее мало употребительно). Въ тво́рникѣ чешскій языкъ имѣетъ *е* вм. *о*: tebou, sebou, при староцерк. **тобоѭ**, **собоѭ** (и по-чешски до XIV столѣтія tobú, sobú). Во множинѣ старочешск. зналъ винильные пад. ny, vy, которые въ настоящее время всегда замѣняются ро́дными nás, vás. Та же замѣна встрѣчается также въ числѣ двойномъ. Въ назывникѣ этого числа мы находимъ vě, иногда и va, для 1-го лица; во 2-мъ же лицѣ является множинное vy.

Мѣстоименное склоненіе. Въ образецъ мѣстоименнаго склоненія возьмемъ указательное мѣстоименіе близости ten, ta, to—этотъ. Окончанія его назывниковъ—обыкновенныя именныя, но вниманія заслуживаетъ образованіе ten, которое, надо думать, состоитъ изъ двухъ мѣстоименій **тъ** и ***нъ**. Являющійся въ косвенныхъ падежахъ **ѣ** имѣетъ разное количество: въ одинномъ числѣ онъ долгій — tím, во мно́жномъ краткій—těm, těmi, těch. Родный пад. женс. р. té, таковъ же дав. и мѣстн.; въ старочешскомъ было tej. Двоинный на-

зывно-винильникъ муж. р. ta равенъ староцерковному, но расходится съ именною формою на у. Мѣстоименіе вопросное-личное по-чешски является въ видѣ kdo; встарину встрѣчается также и kto. Объясненьемъ возникновенія этой странной формы можетъ служить то, что назывникъ kto (изъ **къто**) не находился въ тѣсной связи съ косвенными падежами, и что на него могли повліять такія формы, какъ kde = **къде**, kdy = ***къгды**. Для падежа *творнаго* въ староцерковномъ употребляется форма **цѣмь**, но она уже тамъ охотно замѣняется черезъ **кымь**, по-чешски же имѣется только kým.

Принадлежащія къ разсматриваемому склоненію число́вки dva и oba заслуживаютъ вниманія сохраненіемъ *двоинныхъ* формъ. При dva, oba стоятъ формы dvě, obě, не только для женскаго рода, но и для средняго, вслѣдствіе чего является нѣсколько странное согласованіе obě křídla. Родно-мѣстный пад. dvou, obou, дав.-твор. dvěma, oběma. Чешское просторѣчіе образуетъ однако также формы соотвѣтствующія русскимъ: dvoum, dvouch, dvouma; равно какъ oboum, obouch, obouma. Странно, что при названіяхъ одушевленныхъ предметовъ эти число́вки имѣютъ á: dvá, obá; вѣроятно это подражаніе двумъ слѣдующимъ число́вкамъ, изъ которыхъ въ первой долгота органическая: tři = **трие**. Tři породило čtyři, а потомъ они вмѣстѣ повліяли на dva и oba и вызвали въ нихъ долготу вмѣсто краткости.

Изъ словъ мѣстоименнаго склоненія *мягкаго различія*, прежде всего остановимся на мѣстоименіи относительномъ, которое по-славянски обыкновенно является въ значеніи 3-ьеличнаго, а относительнымъ служитъ съ частицею «же»—**иже**. По-чешски это будетъ jenž (jen такъ же образовано, какъ и ten); средн. р. и женск. jež; ро́дникъ jehož, въ жен. р. jíž. Для назывныхъ падежей 3-ьеличнаго мѣстоименія, какъ почти у всѣхъ славянъ, служитъ on, ono, ona; множное число—oni, ona, ony. Особенно слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что винильный пад. муж. рода является въ своеобразной формѣ—jej. Надо полагать, что староцерк. и праслав. **и** по-чешски, въ сліяніи съ другими словами, иногда становилось безсложнымъ: изъ *крава и оубоде* могло выйти *крава й оубоде*; къ этому j могли приставить проходящее по всему склоненію созвучіе je (je-ho, je-mu), при чемъ и возникла вторичная форма jej. Подобно предметницамъ и мѣстоименія нерѣдко пользуются формой роднаго падежа вмѣсто винильнаго, и потому здѣсь вмѣсто jej является jeho и сокращенное ho.

Но — слабая форма; слабая форма существуетъ и въ давальникѣ— mu. Даже и въ среднiй родъ заходитъ форма jeho, ho, въ качествѣ винильника, хотя до сихъ поръ преобладаетъ старинное je. Jeho и ho является преимущественно у одушевленныхъ. Встарину читаемъ и древнiй винильникъ «н»—ji, да и до сихъ поръ встрѣчается его разновидность: ь съ предшествующей мягкостью, т. е. въ чешскомъ языкѣ — одна мягкость: veň = новоцерк. во́нь (въ него), староцерк. вънь; proň (пронь) объ немъ. Вслѣдствiе сближенiя винильнаго пад. съ ро́днымъ, винильникъ въ видѣ мягкости, или, можно сказать, въ видѣ ň, является иногда въ значенiи ро́дника: doň=do ňeho. Встрѣчается еще и средняя форма между doň и do ňeho: doňho; также изъ zaň и zaňeho возникаетъ zaňho. Сравнимъ сербскiя за̑њ, за њѐга и за̑њга.

Въ женскомъ родѣ ро́дный пад. есть jí; встарину онъ былъ jejie, но это jejie, употребленное въ смыслѣ притяжательномъ, принявши потомъ видъ její, сдѣлалось прикладкомъ, равнымъ русскому народному «ейный». Подобнымъ же образомъ употребляется въ притяжательномъ значенiи множинный ро́дникъ jejich—форма аналогичная одининному винильнику jej: при jich, въ подражанiе формамъ, начинающимся съ je, появилась разновидность jejich, и эта форма установилась въ смыслѣ притяжательномъ. Насчетъ приставочнаго n надо замѣтить, что въ тво́рномъ пад. оно можетъ употребляться не только послѣ предлоговъ: и въ отдѣльномъ употребленiи вм. jim, jí, jimi появляются nim, ní, nimi.

У мѣстоименiй мягкаго различiя, въ коихъ имѣется междугласный j, j этотъ можетъ выпадать, и можетъ происходить стяженiе: такъ můj имѣетъ сред. р. moje или mé, жен.—moje или má. Má, вѣроятно, произошло тогда, когда еще не было су́женiя; хотя здѣсь возможно и вторичное примѣненiе къ обычному окончанiю женск. р., и наоборотъ, форма moje можетъ быть новотворкой къ такимъ падежамъ, гдѣ стяженiя не происходитъ. Стяженiе мы имѣемъ также въ ро́дномъ падежѣ mého, въ дав. mému, въ мѣстн. mém. Должно быть не фонетически, а въ подражанiе стяженнымъ, развились такiя формы, какъ mých вм. mojich: mých могло бы получиться изъ mojich лишь тогда, когда ударенiе стояло на послѣднемъ слогѣ; противъ стяженiя въ данномъ случаѣ говоритъ и то́, что назывникъ moji стяженiю не подвергается.

Мѣстоименье **вьсь**, по чешской фонетикѣ veš, vše, vše̊, vši, vše̊, vše̊, замѣняетъ свои односложные назывники и винильники болѣе полновѣсными образованіями, кои появляются уже встарину, а теперь вовсе вытѣснили указанныя односложки, кромѣ среднеродной однины vše. Мы видимъ všecek, -cko, -cka, -cku, všici, všecka, -cky; všecken, -ckno, -ckna, všickni, všeckna, -ny; všechen, -chno, -chna, -chnu, vischni, všechna, -ny; veškeren, -ero, -era, -eru; vešken; všecheren. Другихъ падежей эти вторичныя мѣстоименія обыкновенно не образуютъ—встрѣчаются впрочемъ множинные косвенники všechněch, -ěm, -ěmi, а совсѣмъ изрѣдка и иныя образованія. Внутреннее склоненіе формъ všici (c—упрощенное написаніе вм. cc), všickni и všichni, которое встарь замѣчалось и въ остальныхъ—vešcek, všecko, všěcka, všucku (позднѣе všicku) и т. п.—побуждаетъ Гебауера говорить здѣсь о «частицахъ» — cek, cken и т. д., но мнѣ думается, что такихъ частицъ не существуетъ, и что передъ нами производныя слова̀ (уже Миклошичъ выводилъ všecek изъ **вьсчьскъ**), подвергшіяся вліянію вытѣсняемаго ими первичнаго, при чемъ вполнѣ естественно, что въ старое время вліяніе еще сохранявшагося veš было сильнѣе, а теперь отзывается лишь въ нѣкоторыхъ пережиткахъ.

Вопросное мѣстоименіе предметное **чьто** по-чешски является въ видѣ co. Это co есть ничто иное, какъ рóдный пад. **чьсо**, замѣнившій собою назывный и винильный. Также и въ польскомъ языкѣ мы имѣемъ то же co. Старинныя написанія польскія и чешскія представляютъ намъ и переходную фонему čso (czso). Древняя форма *чь*, которая въ другихъ славянскихъ языкахъ является въ соединеніи съ предлогомъ, въ этомъ же соединеніи употребляется и въ чешскомъ: zač, proč. Эта же форма сохраняется въ выраженіи vniveč obrátiti: первоначально ni več—ни во что; не понимая состава этого слова, гдѣ предлогъ вставленъ между отрицаніемъ и мѣстоименіемъ, впослѣдствіи еще разъ прибавили предлогъ. Передъ безсложною частицею ž является če: začež, proček. Встарину рядомъ со čso встрѣчается также čse, которое на мой взглядъ естественнѣе всего объяснять сдѣлкою между čso и предполагаемымъ для доисторической поры če=čь; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ словацкое областное če хотѣлось бы признать архаизмомъ, а обыкновенное словацкое čo — сумѣскомъ древняго če съ co или čso. (Гебауеръ возможности такихъ

толкованій не признаётъ, при чемъ *e* вм. *o* въ формѣ čse оставляетъ безъ объясненія, а словацкія формы объясняетъ — что̀ вполнѣ допустимо—вліяніемъ косвенниковъ).

Отрицательный видъ предметно-вопроснаго мѣстоименія есть nic, неопредѣленный—něco. Nic только съ натяжкой можно выводить изъ nico (ničso)—звуку *o* незачѣмъ было отпадать, и я склоненъ думать, что оно есть сдѣлочная форма между *nič и co (čso); при такомъ объясненіи становится также менѣе страннымъ (хотя и не объясняется) противорѣчіе между nic и něc*o* *).

Въ *сложномъ склоненіи* замѣчается, вслѣдствіе стяженія, долгота окончаній: одинный называникъ dobrý, dobré, dobrá, ро́дникъ dobrého, dobré, дав. dobrému, dobré, твор. dobrým, dobrou (-ou, правда, и въ именномъ склоненіи), мѣст. dobrém, dobré. Мѣстникъ dobrém встарину звучалъ также dobřiem = староцерк. добрѣемь, r вмѣстѣ ř (въ какомъ-нибудь velkém *k* вмѣсто *c* и т. д.) взятъ изъ другихъ падежей. *Винильникъ жен. р.* будетъ dobrou, т. е. совпадаетъ съ тво́рникомъ, тогда какъ въ азо́вомъ склоненіи эти падежи различаются по количеству. *Дав.-мѣст.* п. того же рода представляетъ еще областное и просторѣчное окончаніе éj (dobréj), которое иногда заходитъ и въ ро́дный; литературное é, наоборотъ, распространилось съ роднаго на дав.-мѣст. Въ окончаніи éj вмѣсто ѣи, надо думать, слѣдуетъ видѣть устраненіе смягченія: и дѣйствительно, встарину мы встрѣчаемъ здѣсь смягченіе: dobřiej=добрѣи. Окончаніе *é* въ *ро́дн. п.* надо выводить изъ ыјѣ, разновидности староцерк. -ыѩ, или объяснять заимствованіемъ у мѣстоименій (тогда оно изъ ојѣ, разновидности къ -оѩ). Во множинѣ мы видимъ называникъ муж. р. dobří у одушевленныхъ и dobré у неодушевленныхъ, въ женскомъ р. — dobré, а въ среднемъ — dobrá (dobré = *добрыјѣ, староцерк. добрыѩ). Т. к. въ просторѣчіи é произносится обыкновенно какъ í, то окончанія множнаго называника одушевленныхъ и неодушевленныхъ совпадаютъ, и malí и malé разнятся только на письмѣ; но разница сохраняется при смягченіи, какъ въ нашемъ примѣрѣ: dobří и dobré. Употребленіе одушевленныхъ и неодушевленныхъ формъ связано съ употребле-

---

*) Встарину nic и něco не были вполнѣ цѣльными словами: мы уже отмѣтили выраженіе niveč; таковы же: ni v čem, ně o čem и т. п.

ніемъ той или другой формы у предметницъ: zelené stromy (strom—arbor), но zelení stromové, ostré meče, но ostrí mečové. Народная рѣчь и просторѣчье, насколько оно не находится подъ книжнымъ вліяніемъ, не знаютъ среднеродной множины на á, употребляя и тамъ é: по книжному большіе города̀ будетъ veliká město, а въ просторѣчіи—veliké město. О косвенныхъ падежахъ говорить нечего. Число двойное звучало dobrá, dobřej, dobřej; dobrú; dobrýma. Старинное á сохраняется до сихъ поръ въ выраженіи dva česká (два чешскихъ гроша); впрочемъ эта форма стала употребляться и при числовкахъ три и четыре: tři, čtyři česká.

Мягкое различіе, вслѣдствіе суженія, потерпѣло нѣкоторое сокращеніе въ числѣ падежей, а также нерѣдко сгладились здѣсь родовыя и числовыя особенности. Такъ у прикладка cizí (чужой), въ этой формѣ cizí совпадаетъ цѣлый рядъ падежей: это назывникъ всѣхъ трехъ родовъ обоихъ чиселъ; это также множный винильникъ всѣхъ родовъ и общая форма для всѣхъ падежей женскородной одниньі. Однинный ро́дникъ муж. и ср. р. cizího, дав. cizímu, и т. п. почти не заслуживаютъ упоминанія.

Спряженіе.

Глаголъ въ старочешскомъ языкѣ сохранялся съ замѣчательной полнотой: единственной утратой было устраненіе *терпнаго причастія настоящнаго*. Формы этого причастія встрѣчаются лишь какъ прикладки, каковые уцѣлѣли и до сихъ поръ: vidom, znám, vědom (знающій).

Новочешскій языкъ утратилъ еще нѣкоторыя формы. Въ старочешскомъ былъ въ полномъ ходу *супинъ*, при чемъ онъ имѣлъ и свойственное этой формѣ управленіе: jdu bránit svého dvora (они пошли защищать свой дворъ) — родный п. вм. винильнаго у переходнаго глагола. Въ настоящее время супинъ можетъ считаться утраченнымъ. Инфинитивъ нерѣдко опускаетъ свое «і» (въ просторѣчіи это даже составляетъ правило), и такимъ образомъ обѣ формы совпадаютъ. Впрочемъ это въ рядъ ли чисто звуковое явленіе: при устраненьи і изъ инфинитива вѣроятно не обошлось безъ вліянія супина; въ пользу чего можно сослаться на то̀, что усѣченные инфинитивы nest, pect, рядомъ съ nésti, péci, имѣютъ краткій гласный.

Съ просторѣчнымъ pec*t* сравнимъ русское «идтить». Очевиднымъ остаткомъ супина въ современной рѣчи являются нѣсколько односложныхъ формъ, въ которыхъ слышится краткость вмѣсто долготы: такъ инф. spáti, съ усѣченіемъ spát, имѣетъ супинъ spat—jdu spat. Можно указать и на нѣкоторые слѣды стариннаго управленія супина, какъ въ народныхъ стихахъ:

Jede s nimi do pole
Zavorávat koukole (запахивать куколь).

Причастія склоняемыя въ чешскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ новославянскихъ, обыкновенно являются въ видѣ па́причастковъ, впрочемъ па́причастковъ родовыхъ; этимъ названіемъ я хочу сказать, что причастія, употребляясь почти исключительно въ назывномъ падежѣ, все-таки сохраняютъ родовое различіе. Притомъ нѣкоторыя окончанія своеобразны.

Въ *настоящномъ причастіи дѣйномъ* вм. староцерк. ы имѣется *a*: nesa, jda, которое повторяется въ старорусскомъ языкѣ: неса, нда. Естественно думать, что «а» есть вторичное, заимствованное у глаголовъ мягкаго окончанія, гдѣ «а» развилось изъ ѧ, когда еще не было суженія, т. е. когда вмѣсто позднѣйшаго pije, píše говорили *pija, *píša. Соболевскій дѣлаетъ попытку возвести окончаніе «а» къ праславянскому языку, какъ разновидность «ы»; вѣскимъ доводомъ въ пользу этого могли бы служить старопольскія формы, т. к. по-польски *a* нельзя выводить изъ юсовъ; однако окончаніе *a* въ старопольскомъ языкѣ можно считать орѳографической неточностью: *a* нерѣдко писалось вмѣсто ą (*a* носового). Женскій родъ по-чешски будетъ nesouc (i опущено); встарину встрѣчается еще окончаніе i: nesúci *). Средній родъ равенъ первоначально мужескому, позднѣй — женскому. Множное число имѣетъ одну форму для всѣхъ родовъ: nesouce, или сокращенно nesouc—несѫште, -шта и -шта совпали фонетически. Nesouc является иногда и въ мужескомъ родѣ од. ч.; при такомъ употребленіи nesouc есть настоящій па́причастокъ. Какъ причастіе, т. е. съ измѣненіемъ и по родамъ, и по падежамъ,

*) Появляется и nesuci съ краткостью: д. б. долгота развилась въ замкнутомъ слогѣ усѣченной формы и лишь съ нея перенесена на полную.

можетъ употребляться членовая форма nesoucí, но это форма книжная; народная рѣчь даже па́причастковъ не любитъ. У глаголовъ мягкаго окончанія мы имѣемъ *e*, какъ плодъ суженія: pije; въ жен. р. -íc (встарину также -ící), мн. ч. -íce или -íc.

Причастіе прошедшее склоняемое находится въ томъ же положеніи, какъ и настоящное: муж. р. nes, жен. nessi, средній р. является сначала въ формѣ муж. рода, позже — въ формѣ женскаго; множ. число nesše; таковы же формы piv, pivši, pivše. Форма на še употребляется также, какъ па́причастокъ, во всѣхъ родахъ. Глаголы совершеннаго вида могутъ замѣнять окончаніе прошедшаго причастія окончаніемъ настоящнаго, какъ и по-русски: можно образовать vezma (***възьмы**) къ глаголу vzíti, padna къ padnouti, подобныя русскимъ полубя, придя.

Причастіе прошедшее элевое не представляетъ большихъ особенностей: pil. Вниманія заслуживаютъ тѣ причастія, гдѣ l приходится послѣ согласныхъ: nesl, pekl; въ этихъ случаяхъ l становится слоговымъ. Однако встарину l здѣсь слога не составлялъ, и было nesł, pekł. И въ ново-чешскомъ l не всегда дѣлается слоговымъ: въ просторѣчіи и въ народной рѣчи онъ обыкновенно теряется. Особенность чешскаго языка, сравнительно съ русскимъ и староцерковнымъ, раздѣляемая польскимъ и лужицкимъ, состоитъ въ сохраненіи передъ l мгновенныхъ зубныхъ: padl, pletl. Существуетъ однако форма šel вм. *šedl (**шьлъ**). Для объясненія послѣдняго причастія можно бы сослаться на то̀, что другія формы его должны бы звучать šdla, šdlo, šdli, šdly, šdla, и что здѣсь d могло легко выпасть, а эта утрата могла отразиться и на муж. родѣ. Но такого объясненія мы не можемъ дать для формы jel (отъ jedu). Въ этомъ jel, правда, можно бы видѣть архаизмъ—нераспространенный корень. Вѣдь корень глагола jedu есть ja (по-литовски jóju, jóti—ѣду верхомъ), но кажется весьма неестественнымъ, чтобы изъ славянскихъ языковъ одинъ чешскій сохранялъ этотъ корень въ нераспространенномъ видѣ *). Поэтому

---

*) Въ староцерковномъ впрочемъ попадается причастіе **прѣiавъше**.— Замѣтимъ еще мимоходомъ о глаголѣ jedu, что его инфинитивъ jeti можно бы также производить отъ древняго корня ja, но это объясненіе неудобно, потому что двусложнымъ инфинитивамъ (почти безъ исключенія) свойственна долгота: dáti, píti и т. п., и было бы jíti, такъ

я склоненъ думать, что въ какихъ-нибудь pletl, kradl t и d не сохранились отъ древности, а возстановлены изъ другихъ глагольныхъ формъ.

О прошедшемъ причастіи терпномъ много говорить нечего. Вспомнимъ, что у глаголовъ ижевыхъ здѣсь должно произойти смягченіе: pozlatiti даетъ pozlacen, vypuditi (выгнать)—vypuzen. Однако c и z не всегда являются въ этихъ случаяхъ. Нѣкоторые глаголы подъ вліяніемъ другихъ формъ возстановляютъ t и d: křtěn; zděděn (унаслѣдованъ).

Настоящее время въ *1 л. од. ч.*, какъ правильное соотвѣтствіе ж, имѣетъ u: pletu; при предшествующемъ мягкомъ звукѣ u должно являться въ видѣ i: piji, píši. Однако въ чешскомъ языкѣ усилилось, сравнительно со староцерковнымъ и праславянскимъ, употребленіе формы на «мь», т. е. по-чешски просто на m—именно она распространилась на глаголы съ настоящимъ азо́вымъ, и́жевымъ и ятевымъ, представляющихъ вм. aju: vołaju, -ji — ám: volám (зову), вм. u, а потомъ i, съ превращеніемъ предшествующихъ согласныхъ: lecu, -ci—ím: letím, вм. uměju, -ji — umím (стар.—umiem). Въ этомъ надо видѣть подражаніе формамъ dám, vím—староцерк. дамь, вѣмь. Азовое окончаніе aju встрѣчается только у нѣкоторыхъ глаголовъ, гдѣ *a* принадлежитъ къ корню: laji, taji, kaji se; рядомъ съ послѣднимъ стоитъ kám se. Мнимый корень на *a* представляютъ hraji или hrám (играю) и zraji или zrám (зрѣю). Въ словацкомъ нарѣчіи m получилъ еще большее распространеніе, такъ что мы встрѣчаемъ и такія образованія какъ kryjem, žnem. Старочешск. яз. имѣлъ первоначально вездѣ u: vołaju, běžu (бѣжж), stoju, płozu, lecu. Итакъ, нельзя окончаніе m считать архаизмомъ, что̀ на первый взглядъ, въ виду санскритскаго mi, кажется соблазнительнымъ. Это замѣчаніе было сдѣлано еще Добровскимъ, однако оно не предохранило отъ указанной ошибки Боппа и Миклошича; послѣдній впрочемъ во второмъ изданіи своей морфологіи отказался отъ такого взгляда. Подъ вліяніемъ мягкости окончаніе u замѣняется черезъ i, но въ народ-

---

что вѣроятно мы имѣемъ здѣсь новотворку къ настоящему, и jeti пишется вмѣсто jedti. Чешскій яз. несомнѣнно зналъ когда-то инфинитивъ jechati при настоящемъ jedu: онъ и существуетъ до сихъ поръ, но образовалъ себѣ новое настоящее jechám.

ной рѣчи и тутъ обыкновенно является u, т. е. говорятъ piju, píšu. Полагаю, что Миклошичъ напрасно, вслѣдъ за Добровскимъ, говоритъ здѣсь о сохраненіи u—скорѣе u возстановлено подъ вліяніемъ глаголовъ твердаго окончанія (лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ оно дѣйствительно могло сохраниться).

2-ое лицо со своимъ š: dělâš, hoříš почти не заслуживаетъ упоминанія.

Въ 3-емъ л. окончаніе **ть** или **тъ** утрачено, и глаголъ кончается на темовой гласный: dělá, hoří; t сохраняется въ одномъ лишь jest.

1 л. мн. ч. оканчивается на m и me: nesem, neseme. Окончаніе me обязательно у тѣхъ глаголовъ, гдѣ одинное 1-воличье кончается на m: dělám—děláme. Окончаніе me = mes (греч. дорич. μες). Ме можно бы впрочемъ выводить изъ **мъ**, предполагая, что при стеченіи согласныхъ **ъ** не отпадалъ, а прояснялся; позволительно также думать о возникновеніи me подъ вліяніемъ 2-роличнаго te. Встарь, и донынѣ въ областной рѣчи, является и my; у словаковъ есть еще mo. My (которое изъ числа другихъ языковъ господствуетъ въ лужицкомъ и весьма обычно въ польскомъ) есть плодъ примѣненія къ соотвѣтственному личному мѣстоименію; mo повторяется въ малорусскомъ нарѣчіи русскаго языка, гдѣ *мо* есть преобладающее окончаніе, также въ сербскомъ и словенскомъ: въ двухъ послѣднихъ языкахъ оно единственное, и нѣтъ возможности объяснить его изъ **мъ**, что̀ можно допустить въ русскомъ, а пожалуй и въ словацкомъ, представляющемъ иногда *o* изъ **ъ**, напр. lož, piatok. Въ виду этого окончанію mo приходится приписывать древнее *o* и выводить mo изъ mos,=латин. mus. Кромѣ указанныхъ окончаній встрѣчается въ областной рѣчи и въ словацкомъ нарѣчіи ma. Это ma очевидно находится въ связи съ древнимъ окончаніемъ двóйнаго числа, гдѣ въ этомъ лицѣ было vě, а иногда и va: va, въ примѣненіи къ m, me, my, дало ma.

Какъ въ 1 л. встрѣчаемъ ma вмѣсто me, такъ во *2-мъ* встрѣчаемъ иногда ta вмѣсто обыкновеннаго te: nesete и -ta; ta есть прямо старинное окончаніе двóйнаго числа, = староцерк. **та**.

Мнóжное 3-личье, какъ и одинное, утратило t. Такъ какъ при этомъ на концѣ остается замѣнитель юса, то могло бы произойти совпаденіе съ 1 л. од. ч., однако есть разница въ количествѣ: pletu, но pletú (старочеш., по-новочешски pletou). Въ долготѣ можно видѣть

слѣды древней замкнутости слога, т. е. присутствія окончанія t=ть или ꙙтъ. Предшествующіе мягкіе суживаютъ ú въ í, и получается pijí, maží. Однако народная рѣчь предпочитаетъ заимствовать окончаніе ou у глаголовъ твердаго окончанія, и говорятъ pijou, mažou. У глаголовъ азовыхъ, у которыхъ вообще имѣется стяженіе ae въ á, въ 3 л. мн. ч. стяженія нѣтъ: voláš, volá, voláme, voláte, но volají. (Въ 1 л. од. ч.—volám, надо думать, тоже нѣтъ стяженія, а сказалось вліяніе другихъ лицъ). У глаголовъ ижевыхъ мно́жное 3-личье должно было совпасть фонетически съ одиннымъ: формы горѧть и горꙙть обѣ даютъ hoří (въ старочешск. еще была разница: hoří и hoř'é). Народная рѣчь отъ такого совпаденія уклоняется не только путемъ замѣны í черезъ ou, — hořou, но также посредствомъ подражанія глаголамъ ятевымъ: т. к. umím, umíš сохраняетъ umějí, то къ hořím, hoříš образуютъ hořejí (чаще hořejou); есть и разновидность hořijou,—очевидно, также по примѣру umějí и dělají.

Наклоненіе велительное въ одинномъ числѣ вмѣсто окончанія i, иногда еще сохраняемаго старочешскимъ языкомъ, представляетъ одну мягкость, или даже утратило всякій слѣдъ окончанія; послѣ гласныхъ, какъ во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, i—неслого́вое (j). Мы имѣемъ такимъ образомъ: plet'! nes! volej! Во множномъ числѣ, надо думать по образцу одиннаго, было опущено ě, развившееся изъ ѣ, и является выговоръ plet'me, nesme; plet'te, neste. *I* и ě уцѣлѣли при безгласномъ корнѣ и вообще при скопленіи согласныхъ: žni, žněme, žněte; řekni скажи, rekněme, řekněte. Сравнимъ съ этимъ русское образованіе, гдѣ *и* является подъ удареніемъ: плети́, -и́те и послѣ группы согласныхъ: ти́сни, -ните. Еще i сохраняется передъ обезсложенной частицею же: pletiž! Удержавши въ нѣкоторыхъ случаяхъ ě изъ ѣ, чешская рѣчь ввела его и въ такіе глаголы, гдѣ постоянно имѣлось и, опять-таки при условіи скопленія согласныхъ: глаголъ hřměti (или hřmíti) образуетъ велительное hřmi, hrměme, hřměte, вм. грьми, грьмимъ, грьмите; mstíti—msti, mstěme, mstěte, вм. мьсти, мьстимъ, мьстите. Въ старину примѣта велительнаго наклоненія употреблялась по-староцерковному, т. е. глаголы ижевые вездѣ имѣли i. Бываетъ это и теперь, въ народной рѣчи, но тогда i переносится и на такіе глаголы, которые первоначально имѣли ѣ: žnime, žnite.

Аористъ (старочешская форма) являлся въ двухъ видахъ. Существовалъ аористъ *безпримѣтный*, *безъэсый*, который употреблялся въ

формахъ одиннаго числа (изъ которыхъ однако 2 и 3 л. не характерны), въ 1 и 3 мно́жнаго и въ 3 дво́йнаго, напр. jid, (jide, jide), jidom, jidu, jideta, къ jíti, а къ dvihnúti (новочеш. -nouti): dvih, (dvíže, dvíže), dvihom, dvihu, dvížeta *). Множное 3-личье jidu, dvihu обыкновенно надѣляютъ знакомъ долготы—jidú, dvihú, въ виду долготы въ настоящемъ времени, но это едва ли правильно. Аористъ безпримѣтный можетъ образоваться отъ глаголовъ 1 и 2 классовъ по Миклошичу, т. е. безсуффиксныхъ и эновыхъ (притомъ корень долженъ быть замкнутымъ).

Аористъ эсовый однопримѣтный (типа **уисъ**) утраченъ. Аористъ *разнопримѣтный корневой* представленъ формами řech, řechu, resta, соотвѣтствующими староцерковнымъ **рѣхъ, рѣша, рѣста**. Обыкновеннымъ образованіемъ аориста является то́, которое я называю *разнопримѣтнымъ темовымъ*: bósti (позже bůsti) образуетъ bodech, (bode, bode); bodechom (или bodechme, -my), bodeste, bodechu; bodechově, bodesta, bodesta. Вниманія заслуживаетъ отступленіе отъ староцерковнаго: *e* изъ 2 и 3 лица один. ч. распространилось и на остальныя лица. Другое отступленіе представляетъ окончаніе 3 лица мн. ч.—chu вмѣсто **ша**. Это chu, разумѣется, перешло сюда изъ имперфекта, чему могло благопріятствовать ú въ настоящемъ времени. Можно бы видѣть здѣсь кромѣ того стремленіе устранить своеобразное смягченіе «ш», однако s появляется также въ окончаніяхъ ště и šta, употребляемыхъ рядомъ со ste и sta. (Śte и šta Гебауеръ выводитъ фонетически изъ **шете, шета**, а мнѣ думается, что они явились путемъ сдѣлки между **шете, шета** и **сте, ста**).

Имперфектъ (тоже въ новочешскомъ утраченный) представлялъ стяженіе; въ немъ являлся **ѣ**, т. е. ie, впослѣдствіи í, и á изъ **аа**, съ суженіемъ é и í: rostiech (-ích); vzdychách, běžéch (-ích). Иногда имперфектъ вслѣдствіе стяженія только по количеству отличается отъ аориста: аористъ pecech, имперфектъ—pecéch.

Отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторыя особенности *корневыхъ глаголовъ*. Глаголъ věděti сохраняетъ въ настоящемъ времени древнія формы, кото-

---

*) Jide и dvíže я назвалъ нехарактерными, такъ какъ 1) 2 и 3 л. од. ч. всегда оказываются безпримѣтными (напр. da изъ da*ss* и da*st*), а 2) **идохъ, двигохъ** не имѣютъ при себѣ примѣточныхъ—„идоше“, „двигоше“, и „**иде**“, „**движе**“ единственныя формы.

рыя однако отчасти примѣнились къ формамъ оснóвнаго спряженія, отчасти (вслѣдствіе обратнаго вліянія) перестали быть характерными: vím = **вѣмь**, но такъ какъ чешскій языкъ имѣетъ ím и у темовыхъ глаголовъ, то это окончаніе не характерно; víš—š есть заимствованіе у темовыхъ глаголовъ; также ví явилось подъ вліяніемъ темовыхъ глаголовъ: надо думать, что фонетически получилось бы víst (или можетъ быть věst). 3 лицо множ. числа vědí=**вѣдать**. Архаическую форму представляетъ велительное věz; однако новотворкой является множ. ч. vězme, vězte: въ староцéрк. **вѣждь, вѣдимъ, вѣдите**; также сходное съ **вѣждь—виждь** имѣется въ видѣ viz, vizme, vizte. Съ глаголомъ věděti въ настоящ. вр. и въ велит. накл. аналогиченъ глаголъ jísti (**ѩсти**): jím, множное 3-личье jedí (**ѩдать**); вел. jez, jezme, jezte. Причастія этихъ глаголовъ—věda и jeda, въ староцерковномъ—**вѣды**, **ѩды**. Не параллельно съ этими глаголами идетъ dáti, которое только въ старочешскомъ имѣетъ множное 3-личье dadjé (=**дадать**), что̀ встрѣчается и въ новочешской литературѣ, въ видѣ dadí: обыкновенно образуютъ dají. Велит. накл. **даждь** вовсе утрачено, и замѣнено посредствомъ dej, dejme, dejte (**даꙁь** отмѣчено лишь какъ чехизмъ въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ). Также архаическое, допускаемое до сихъ поръ въ литературѣ, dada, женск. р. dadouc, употребляется обыкновенно въ видѣ daje, dajíc.

Глаголъ býti имѣетъ такое настоящее:

jsem	jsme	(jsvě
jsi	jste	jsta
jest, je	jsou	jsta).

Вмѣсто jest является jesti—въ сочетаніяхъ jestiž, jestit' (t'—частица = ti тебѣ). Jestiž при jest могло возникнуть по образцу велительнаго pletiž! при plet'! Можно однако видѣть здѣсь также вліяніе на 3-е лицо—2-го, или присоединеніе къ jest только что упомянутой частицы ti: jesti = jest + ti; тѣмъ, что при послѣднемъ толкованіи jestit' вновь приняло уже имѣвшуюся въ jesti, но не сознаваемую въ немъ, частицу — нечего смущаться. Не упустимъ изъ виду, что jesti отмѣчено рано, и не только въ соединеніи съ частицей, а кромѣ того примемъ въ соображеніе, что въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ могли дѣйствовать разныя причины, иногда и нѣсколько причинъ заодно. J, который послѣ отрицанія дѣйствительно

слышится: nejsem, nejsi, nejsme, nejste, nejsou, обыкновенно не произносится (иногда j опускается и на письмѣ). Въ областной рѣчи существуютъ jesem, jesi, jesme, jeste и jesou, которыя естественно считать новотворками къ jest; хотя jesem встрѣчается уже въ одномъ старочешскомъ памятникѣ. Сокращенныя формы jsem и т. д. д. б. надо объяснять подражаніемъ **сѫть**. Изъ отрицательныхъ формъ слѣдуетъ обратить вниманіе на одинное 3-личье — není: ní (nie), очевидно, = **нѣсть**; но народному сознанію недоставало здѣсь ясно выраженнаго отрицанія, стоящаго налицо въ другихъ лицахъ, вслѣдствіе чего и было прибавлено еще ne.—Имперфектъ былъ budiech, -ieše и biech (= **бѣахъ**), bieše, а также běch, bě (**бѣхъ**) *). Аористъ звучалъ, также какъ и въ староцерковномъ, bych. Этотъ аористъ уцѣлѣлъ и въ новочешскомъ, какъ знакъ условнаго наклоненія.

Описальныя формы слѣдующія:

Прошедшее время (въ старочешскомъ это прошедшее совершенное, перфектъ). Прошедшее состоитъ изъ элеваго причастія спрягаемаго глагола и изъ настоящаго времени помогальнаго být́i—dal sem, já sem dal, kdy (когда) sem dal: sem будучи энклитикой, не ставится въ началѣ предложенія. Jsi можетъ сокращаться въ s: dal si, dala si или dals, dalas (ty si dal, -a, tys dal, -a). Въ 3 л. обоихъ чиселъ помогальный глаголъ почти всегда опускается. Въ просторѣчіи это дѣлается и въ другихъ лицахъ, такъ что можно сказать какъ порусски: já tam byl, my ho slyšeli вмѣсто já sem t. b., my sme ho sl.

Давнопрошедшее, или лучше сказать *преждепрошедшее*, по-старочешски обозначалось двояко 1) сходно со староцерк., посредствомъ элеваго причастія спрягаемаго глагола и имперфекта помогальнаго: přišeł bieše, šest dní bě minuło, 2) черезъ соединеніе того же причастія съ перфектомъ существительнаго глагола, такъ что являются два элевыхъ причастія (соединеніе, которое въ староцерковныхъ памятникахъ встрѣчается, повидимому, лишь какъ уклоненіе отъ настоящей староцерковщины): Łazar był umřeł. Въ новочешскомъ употребляется только второй способъ.

*) Гебауеръ, называющій běch аористомъ, кажется, имѣетъ въ виду не значеніе, а форму.

Будущее описывается какъ по-русски: budu prositi. Опять-таки какъ по-русски (да и по-церковнославянски) къ описанію прибѣгаютъ лишь у глаголовъ вида несовершеннаго, у совершенныхъ же будущее выражается формой настоящаго: poprosím—попрошу.

Будущаго совершеннаго (преждебудущаго) въ новочешскомъ не существуетъ; въ старину оно образовывалось сходно со староцерковнымъ: zapomanuł budu tebe—oblitus fuero tui.

Условное (сослагательное) наклоненіе настоящаго времени выражается по староцерковному—въ староцерковщинѣ однако не единственному—способу черезъ соединеніе элеваго причастія съ аористомъ помогальнаго глагола, который въ такомъ соединеніи уцѣлѣлъ донынѣ; при чемъ однако 2-е лицо одинн. ч. представляетъ окончаніе s (раньше si), а мно́жное 3-личье является въ видѣ by, совпадая съ одиннымъ: pletl, -la, -lo bych, bys, by; pletli, -ly, -la bychom (-chme, -sme), byste, by. Изрѣдка by, какъ по-русски, является также въ 1 и во 2 лицѣ. Въ старочешскомъ 2 л. од. ч. обыкновенно звучало by (= староцерк.): bysi, bys — вторичное образованіе по примѣру bylsi, byls. Въ старочешскомъ встрѣчается также pletli by*chu*.

Условное прошедшее состоитъ изъ того же элеваго причастія въ соединеніи съ условнымъ помогальнаго глагола, такъ что содержитъ два элевыхъ причастія: byl bych upletl.

Отмѣтимъ еще, что въ описальныхъ формахъ *отрицаніе* примыкаетъ къ элевому причастію спрягаемаго глагола: já sem tam nebyl (староцерк. **нѣсмь тамо былъ**), vy byste mu nedali (**нє бъıстє ѥмоу дали**), bratr můj byl by neumřel. Впрочемъ въ условномъ прошедшемъ старинный языкъ допускаетъ соединеніе отрицанія съ элевымъ причастіемъ не спрягаемаго глагола, а помогальнаго: nebył bych tě vołał.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ГРАММАТИКИ.

Dobrowský, Josef. Lehrgebäude der Böhmischen Sprache. 2 Ausg. Prag 1819.

Его же. Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur. 2 Ausg. Prag 1818.

Šafařík, Pavel Josef. Počátkové staročeské mluvnice—при хрестоматіи: Wýbor z literatury české. Díl I. V Praze 1845. Нѣмецкій переводъ: Elemente der altböhmischen Grammatik von Paul Josef Schafarik. I (единственный) Theil der Sammlung slavischer Grammatiken herausgegeben von J. P. Jordan. Leipzig 1847.

Hattala, Martin. Zvukosloví jazyka staro- i novo-českého a slovenského. Díl I. V Praze 1854.

Его же. Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. V Praze 1857.

Zikmund, Václav. Skladba (Синтаксисъ) jazyka českého. V Litomyšli a v Praze 1863.

Bartoš, František. Skladba jazyka českého. V Brně 1895 (7 изд.).

Чешскій отдѣлъ въ Сравнительной грамматикѣ Миклошича:

Miklosich, Franz. Vergleichende grammatik der slavischen sprachen: 1) I band. Vergleichende lautlehre der slav. spr. Wien 1852. 2 изд. 1879 г. Начинающимъ удобнѣе пользоваться 1-мъ изданіемъ. 2) III band. Vergleichende formenlehre d. sl. spr. Wien 1856. 2-е изд. 1876 года: Vergleich. wortbildungslehre d. sl. spr. Русскій переводъ, съ поправками и дополненіями, Шлякова и лектора: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Сочиненіе Франца Миклошича, перевелъ Николай Шляковъ подъ редакціей Романа Брандта. Выпускъ IV. Языки Чешскій и Польскій. Москва 1886.

Gebauer, Jan. Mluvnice ceská pro školy střední i ustavy učitelské. I. Nauka o slově. II. Skladba. V Praze a ve Vídni (Vídeň—Вѣна) 1890.

Его же. Historická mluvnice jazyka českého. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni 1894. Díl III. Tvarosloví: 1) Skloňování. V Pr. a ve V. 1896. 2) Časování. V Pr. a ve V. 1898. Капитальный трудъ. II-го тома (словотворства) не выходило.

Флоринскій, Тимоѳей. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть II. Сѣверо-западные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897.

Некрасовъ, Н. П. Грамматика чешскаго языка (древняго и новаго) при сочиненіи «Краледворская рукопись». Спб. 1872.

Шрамекъ, Иванъ. Чешская грамматика. Спб. 1870 (краткая, элементарная).

К(онстантинъ) С(трашкевичъ). Чешская грамматика съ упражненіями, краткою хрестоматіею и словаремъ, составленная по руководству Конечнаго. Прага 1852.

Словари.

Jungmann, Josef. Slovník česko-německý. V Praze 1835—39. 5 томовъ.

Kott, František. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. V Praze 1878—1893. 7 томовъ.

Rank, Josef. Nový slovník kapesní (карманный) jazyka českého a německého. Díl I, česko-německý. V Praze 1887 (5 изд.).

Его же. Русско-чешскій словарь. Въ Прагѣ 1874. (Чешско-русская часть печатается).

Váňa Jan. Slovník česko-ruský. V Praze 1895 (небольшой) *).

---

*) Болѣе подробную библіографію можно найти въ вышеуказанной книгѣ Тим. Дим. Флоринскаго, стр. 11—31.

Цѣна 60 копѣекъ.

ОДНОРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ ТОГО ЖЕ ПРОФЕССОРА:

Краткая фонетика и морфологія *польскаго* языка. Москва 1894. Цѣна 70 коп.

Краткая фонетика и морфологія *сербскаго* языка. Москва 1895. Цѣна 60 коп.

Краткая фонетика и морфологія *болгарскаго* языка—печатается.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03551 5652